# Вторая кіевская гимназія [1]

*1852—1861.*

„Память наша,—сказалъ гдѣ-то Шопенгауэръ,—похожа на сито, которое отъ времени и употребленія становится все грубѣе, такъ что чѣмъ больше мы старѣемся, тѣмъ скорѣе ускользаетъ изъ памяти все то, что мы ей довѣряемъ, и, напротивъ, остается то, что̀ утверждено въ ней въ ранніе годы".

Оттого-то и мои воспоминанія, чѣмъ дальше простирались въ глубину времени, тѣмъ были отчетливѣе и становятся все смутнѣе по мѣрѣ приближенія къ настоящему.

Но будемъ продолжать.

Еще въ 1851 году, прослуживши Немировской гимназіи 8 лучшихъ лѣтъ моей жизни и узнавши, что во 2-й Кіевской гимназіи, за смертію учителя русской словесности Николаевскаго, открылась вакансія, я отправился къ помощнику попечителя М. В. Юзефовичу проситься о переводѣ. Хотя впредь до пріисканія преподавателя туда былъ приглашенъ профессоръ А. И. Селинъ, но я, по совѣту инспектора Гренкова, рискнулъ попытать счастья.

Прихожу къ генералу и прошу лакея доложить о себѣ.

— Пожалуйте!—буркнулъ тотъ, не глядя на меня и указывая жестомъ по направленію къ двери, ведущей на балконъ.

---

[1]) Продолженіе. «Кіевская Старина" за 1890 и 1895 годы.

Его П—во только-что окончилъ завтракъ. Придерживая шпаженку, я отвѣсилъ поклонъ и вытянулся въ струнку подъ самой стѣнкой.

— Здравствуйте! что скажете?—спросилъ генералъ, вытирая ротъ салфеткой.

— Осмѣливаюсь утруждать В. П—во покорнѣйшею просьбой о перемѣщеніи меня изъ Немировской гимназіи во 2-ю Кіевскую на вакансію учителя Русской словесности.

— Откуда вы взяли вакансію? Тамъ читаетъ профессоръ.

— Я полагалъ, В. П—во, что профессоръ Селинъ исправляетъ эту должность временно, за непмѣніемъ въ виду лица, которое-бы заняло вакансію.

— Да кто вамъ сказалъ, что профессоръ преподаетъ временно?—спросилъ генералъ, возвысивъ голосъ.

— Мнѣ казалось,—отвѣтилъ я смиренно,—что двѣ должности, профессорская и учительская въ такой многолюдной гимназіи, какъ 2-я кіевская, въ одномъ лицѣ несовмѣстимы: одно исправленіе ученическихъ сочиненій, я знаю это по опыту, это такой трудъ...

— Не разсуждать!—зычнымъ голосомъ крикнулъ генералъ: смотрите, пожалуйста, онъ хочетъ, чтобы я промѣнялъ профессора университета на какого-нибудь учителишку!

Разумѣется, послѣ такого комплимента мнѣ оставалось только поскорѣй унести ноги отъ этого непривѣтливаго господина.

И только черезъ годъ послѣ этой неудавшейся попытки, благодаря содѣйствію того-же Гренкова и его пріятеля, всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова, я наконецъ вырвался изъ ежевыхъ рукавицъ Зимовскаго и, оставивъ навсегда жидовское мѣстечко, содѣлался обитателемъ богоспасаемаго града.

Прибывъ на мѣсто въ концѣ августа 1852 года, я счелъ долгомъ немедленно явиться къ Михаилу Владиміровичу, Доложили.

— Просятъ въ бесѣдку, пожалуйте!—сказалъ мнѣ тотъ-же самый невѣжа-лакей, отворяя двери въ садъ.

Вхожу въ бесѣдку. Мой генералъ сидитъ, какъ богъ-Панъ, окруженный пышной растительностью.

— А, здравствуйте! вы уже пріѣхали?

И онъ протянулъ мнѣ руку, съ которой я рѣшительно не зналъ, что дѣлать—брать или не брать?

— Прошу садиться!

„Что за притча?“—подумалъ я, не вѣря своимъ ушамъ, „что за метаморфоза такая?“ А ларчикъ просто открывался: узнавъ объ увольненіи профессора и о моемъ назначеніи на его мѣсто, онъ спросилъ Лазова:

— Алексѣй Алексѣевичъ, что все это значитъ?

— Самъ уволилъ и самъ назначилъ другого,—отвѣтилъ тотъ.

„А-а,—сообразилъ генералъ:—значитъ, съ этимъ учителишкой нужно быть деликатнѣй—онъ извѣстенъ самому Бибикову.

Директоромъ 2-й гимназіи былъ въ то время богатый малороссійскій панъ Н. А. Ригельманъ,[1]) который до того числился на службѣ въ канцеляріи генералъ-губернатора и, отъ нечего дѣлать, путешествовалъ по славянскимъ землямъ, да пописывалъ въ московскихъ славянофильскихъ журналахъ. Бибиковъ на подобныхъ субъектовъ смотрѣлъ глазами Наполеона I, называвшаго ихъ идеалогами, т. е. людьми негодными для практической дѣятельности, и потому, когда открылась вакансія директора во 2-й гимназіи, послѣ отставки пр. Богородскаго, онъ предоставилъ ее Ригельману, изъ чего между прочимъ можно заключить, какъ легко смотрѣли на многотрудныя обязанности педагога вершители нашихъ судебъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ я не засталъ директора на службѣ: онъ прохлаждался въ своихъ имѣніяхъ, собирая дани многи съ крестьянъ своихъ, хотя ученіе въ гимназіи давно уже началось[2]). Обязанности директора, въ его отсутствіе, исполнялъ инспекторъ

---

[1]) Это не единственный директоръ изъ помѣщиковъ: въ Волынской гимназіи былъ Трофимовскій, въ Черниговской—Бугаевскій, въ Каменецъ-Подольской—Вощининъ.

[2]) Каникулы наши въ то время продолжались всего одинъ мѣсяцъ: съ 22-го іюня по 22-е іюля.

Н. М. Гренковъ. Переночевавъ у своего земляка Т. И. Пристюка, тогда учителя 1-й кіевской гимназіи, я на другой-же день, по его указанію, занялъ довольно удобную квартиру у его сослуживца Ѳ. А. Токарскаго и немедленно приступилъ къ преподаванію своего предмета.

Такъ-какъ предмѣстникъ мой, А. И. Селинъ, былъ не нашъ братъ, чернорабочій учитель, а восторженный пѣнкосниматель профессоръ, то мнѣ, на первыхъ порахъ, было довольно трудно управляться съ многолюдными классами [1]). Новые мои слушатели совершенно отвыкли отъ гимназическаго способа преподаванія; имъ видно пришелся по вкусу университетскій способъ чтенія лекцій; роль ихъ круглый годъ была совершенно пассивная: наслаждаясь краснорѣчіемъ обожаемаго Александра Ивановича, они никогда не отдавали ему отчета въ томъ, насколько ими усвоено прослушанное. Понятно, что мои „уроки", послѣ профессорскихъ лекцій, пришлись имъ не по-нутру. Пользуясь пріятельскими отношеніями къ директору и къ помощнику попечителя и опираясь на свой авторитетъ, какъ профессора, Александръ Ивановичъ знать не хотѣлъ никакой программы, безусловно обязательной для обыкновенныхъ смертныхъ, т. е. учителей, которые не смѣли отступать ни на іоту, и потому мнѣ пришлось вколачивать весьма поверхностные обрывки свѣдѣній своихъ учениковъ въ предѣлы гимназическаго курса. А тутъ еще вернувшійся изъ деревни директоръ, недовольный увольненіемъ профессора, помимо его желанія, не переставалъ настаивать, чтобы я познакомился съ Александромъ Ивановичемъ и поучился у него преподаванію русской словесности, но я шелъ своей дорогой, слѣдуя собственному методу, выработанному самостоятельной 10-лѣтней практикой.

Результаты моего преподаванія, какъ показали годичныя, а особенно окончательныя испытанія, превзошли мои ожиданія.

Въ качествѣ контролирующаго ассистента на экзаменахъ въ VII классѣ присутствовалъ и мой антагонистъ Селинъ, кото-

---

[1]) Въ V классѣ въ двухъ отд. 115 ч. въ VI—82, въ VII—58.

рый тоже остался совершенно удовлетвореннымъ отвѣтами моихъ учениковъ. Всѣ 58 человѣкъ получили отмѣтки удовлетворительныя, не смотря на то, что по предписанію Бибикова, по русскому языку требовалась отмѣтка 4.

Послѣ этого директоръ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствія относительно моего преподаванія. Но помимо моихъ служебныхъ обязанностей, Николай Аркадьевичъ нашелъ другой поводъ надоѣдать мнѣ. Кіевская жизнь, послѣ Немировской дешевизны (квартира со столомъ 10 р.), показалась мнѣ довольно дорогой, и вотъ къ моимъ услугамъ подвернулся съ предложеніемъ выгодной кондиціи польскій помѣщикъ маркизъ Яжевскій, который за приготовленіе сына въ университетъ, чрезъ ксендза Коризну, предложилъ мнѣ квартиру съ полнымъ содержаніемъ и тысячу рублей гонорару. Заниматься я долженъ былъ всѣми предметами, за исключеніемъ новыхъ языковъ и математики. Прежде чѣмъ согласиться на такія заманчивыя условія, я пожелалъ поближе познакомиться съ будущимъ воспитанникомъ, насколько онъ подготовленъ для того, чтобы черезъ годъ поступить въ университетъ.

И что-же оказалось? По русскому языку онъ не годится и въ 3-й классъ, исторіи не начиналъ вовсе, по латыни—ни бельмеса. Мыслимо ли было въ теченіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ приготовить къ вступительному экзамену въ университетъ такого невѣжественнаго юношу? Я, конечно, отказался наотрѣзъ, и этимъ отказомъ нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Пріятель маркиза, директоръ, не давалъ мнѣ проходу, уговаривая меня принять кондицію. Всѣ мои доводы о невозможности этой нелѣпой сдѣлки на него не дѣйствовали. Какъ только попадусь ему на глаза:

— Что-жъ вы, еще не надумались?

— Нѣтъ, Н. А—чъ, не могу.

— Странно! Квартира со столомъ и больше чѣмъ вдвое противъ казеннаго жалованья плата,—очень странно!

— Да вѣдь поймите же, г. директоръ, что я долженъ буду, въ ущербъ моей службѣ, употребить вдвое больше времени на

приготовленіе одного субъекта противъ того, что я употребляю для гимназіи, гдѣ у меня не одинъ ученикъ, а 250 человѣкъ. А что запоете мнѣ, если я, ради кондиціи, стану манкировать своими прямыми обязанностями, и все-таки никакого толку изъ моихъ занятій съ этимъ паничемъ не будетъ?

Но такіе доводы на г. директора не дѣйствовали. „Странно“— да и только. Не успѣвъ уговорить меня черезъ директора, маркизъ обратился къ Юзефовичу; но тотъ ему сказалъ, что ни одинъ уважающій себя наставникъ не согласится быть гувернеромъ ни за какія деньги: для этого существуютъ разные проходимцы, французы и нѣмцы. Не найдя ни одного охотника на лакомую приманку, панъ Ячевскій приглашаетъ профессоровъ давать частные уроки; тѣ, конечно, согласились, и юноша, съ помощію Ставровскаго и К°, черезъ годъ поступилъ въ университетъ!

Нашъ Рагельманъ оставался славянофиломъ и въ должности директора, а по выходѣ въ отставку былъ даже предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго комитета. Впрочемъ, надо признаться, наши крѣпостники—славянофилы, часто игнорируя нужды своихъ русскихъ славянъ, не только оставляли ихъ безъ всякой помощи, но эксплоатируя ихъ трудъ, изъ одной лишь моды благодѣтельствовали чужимъ, гораздо меньше нуждавшимся и болѣе обезпеченнымъ. Получая громадный доходъ изъ своихъ имѣній, Николай Аркадьевичъ для *меньшей братіи* своей ровно ничего не сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ не слышно было, чтобы онъ завелъ для своихъ крестьянъ хоть одну школу, хоть одну больницу. При всемъ своемъ богатствѣ, онъ былъ страшно скупъ. Желая опровергнуть циркулировавшее въ Липкахъ такое о себѣ мнѣніе, Ник. Арк. сталъ по воскресеньямъ приглашать учителей на обѣды, раздѣливъ весь учебный персоналъ на группы, по пяти человѣкъ за одинъ разъ. Былъ и я однажды на такомъ обѣдѣ и нашелъ, что мой простой столъ, приготовляемый крѣпостной кухаркой Токарскаго, несравненно питательнѣе и вкуснѣе поварскихъ бульоновъ и соусовъ г. директора. Дѣло въ томъ, что амфитріонъ нашъ получалъ изъ имѣній провизію въ такомъ

изобиліи, что одному человѣку израсходовать ее впродолженіе мѣсяца было невозможно, и вотъ, когда она начинала портиться, Н. А. нашелъ средство употреблять ее въ дѣло, приглашая учительство на обѣды.

---

Поздней осенью 1852 года Кіевъ праздновалъ великое событіе—отъѣздъ Д. Г. Бибикова заграницу въ четырехмѣсячный отпускъ, изъ котораго онъ уже не возвратился, перейдя на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Четырнадцатилѣтнее свое владычество надъ Юго-Западнымъ краемъ (1838—1852) онъ самъ охарактеризовалъ въ рѣчи, обращенной къ дворянству трехъ губерній во время выборовъ, случайно совпавшихъ съ этимъ отъѣздомъ. Сознавая свою мощь, сановный ораторъ, въ сжатомъ видѣ, представилъ, конечно, съ своей точки зрѣнія, блестящіе результаты своей дѣятельности во ввѣренномъ ему краѣ; но дальнѣйшій ходъ событій въ жизни этого края далеко не оправдалъ смѣлыхъ выводовъ грознаго администратора.

Бибиковъ въ роли попечителя учебнаго округа, не задаваясь никакими педагогическими вопросами, не интересуясь никакою наукой, требовалъ отъ наставниковъ средне-учебныхъ заведеній Юго-Западнаго края только одного, чтобы они польскихъ дѣтей сдѣлали русскими, преданными Царю и отечеству. Въ силу такихъ требованій, педагоги очутились въ исключительномъ положеніи: къ ихъ дѣятельности чисто научнаго свойства примѣшивались требованія, не имѣвшія ничего общаго съ наукой. Но что́ сдѣлали наши гимназіи для русскаго дѣла въ ополяченномъ краѣ? Заключалась-ли хоть малая доля правды въ широковѣщательныхъ донесеніяхъ разныхъ Зимовскихъ, Яковлевыхъ и др. обрусителей? А вѣдь донесеніямъ этимъ Д. Г—чъ вѣрилъ безконтрольно, награждая ихъ крестами и деньгами. Мало того, на основаніи подобныхъ донесеній, онъ вводилъ въ заблужденіе правительство на счетъ вѣрноподданническихъ чувствъ польскаго населенія. Такъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1848 годъ, онъ между прочимъ доносилъ:

„Въ учебныхъ заведеніяхъ сталъ развиваться русскій языкъ, русскія начала и желанія служить, почему учебныя заведенія не представляютъ никакой опасности, и послѣдствія эти важны въ настоящее время, а въ будущемъ слѣдуетъ ожидать самыхъ прочныхъ результатовъ въ отношеніи образованія польскаго юношества.“

А будущее, увы! зло насмѣялось надъ этимъ пророчествомъ дальновиднаго администратора... Жаль, что онъ не дожилъ до злополучнаго 1863 года!

Да, не добромъ помянули Бибикова наши педагоги.

„Не говоря уже о его гордости и надменности, въ этомъ человѣкѣ не было никакого чувства, а какая-то убійственная холодность и равнодушіе къ судьбѣ ближняго“. [1])

Одинъ изъ учителей Кіевской гимназіи, обремененный большимъ семействомъ, рискнулъ попросить у попечителя прибавки къ весьма скудному жалованью.

„Вишь чего старый захотѣлъ,—пошутилъ Д. Г—чъ:—а если-бы я велѣлъ тебѣ всыпать 25 горячихъ, попросилъ-бы ты прибавки?

Ошеломленный такой жестокой шуткой педагогъ чуть было не рехнулся тутъ же въ пріемной. Шатаясь какъ пьяный, вышелъ онъ на свѣжій воздухъ и, стоя на крыльцѣ между двумя часовыми, долго не могъ прійти въ себя, повторяя безсвязно услышанныя имъ отъ генерала слова: „всыпать... 25?.. мнѣ? Я—солдатъ? Нѣтъ... вотъ и шпага и треуголка... Я коллеж...

Когда огорченный старикъ отправился искать сочувствія своему горю къ генералу штатскому, то сей послѣдній утѣшалъ его такой сентенціей:

„Такъ вамъ и нужно! Не лазьте по пустякамъ къ Генералъ-Губернатору, минуя ближайшее начальство. Что-жъ, что вы коллежскій совѣтникъ? По моему крайнему разумѣнію, учителямъ не слѣдовало бы давать такихъ большихъ чиновъ. Ну, скажите

---

[1]) См. «Старая и Новая Россія» 1878. № 12. Характеристика Титова.

на милость, къ чему послужилъ вашъ чинъ? И что за важная птица—учитель? C'est un metier"!

Жалованья, правда, прибавили классику,но лучше-бы съ голоду пропасть, чѣмъ испытать такое тяжкое униженіе за 23-хълѣтнюю усердную и безпорочную службу.

O, tempora, o mores!—повторялъ, идучи домой униженный и оскорбленный наставникъ юношества.

Суровый бибиковскій режимъ заразилъ маніей величія и другихъ администраторовъ—отъ смотрителей уѣздныхъ училищъ до помощника попечителя включительно. Вотъ тому доказательство:

Помимо просьбъ о перемѣщеніи, каждый проѣзжавшій черезъ Кіевъ учитель обязательно долженъ былъ явиться къ начальнику въ полной парадной формѣ и для того долженъ былъ везти съ собой, на почтовой перекладной за 200—300 верстъ, мундиръ, шпагу и треухъ.

Разъ Бибикову вздумалось зайти въ общую ученическую квартиру 2-й гимназіи. Дежурнымъ надзирателемъ въ тотъ день былъ высокопарнѣйшій надзиратель Софроній Семеновичъ Гриценко. Обойдя помѣщеніе квартиры, Д. Г—чъ обратился къ нему съ нотаціей на счетъ замѣченныхъ безпорядковъ въ дортуарахъ и прибавилъ въ заключеніе:

— Слышите-ли вы?

Гриценку слѣдовало безмолвно поклониться или отвѣтить по-солдатски: „слушаю-съ, В. В—во!"—и дѣлу конецъ. Но у Софронія была неудержимая страсть къ риторикѣ; его угораздило прибавить: „слушаю, В. В—во, съ уваженіемъ"!

— А развѣ ты можешь слушать меня безъ уваженія?—закричалъ генералъ, сильно напирая на помертвѣвшаго отъ страха надзирателя. Тотъ—шагъ назадъ, а Бибиковъ—два впередъ, да загналъ бѣднягу въ самый уголъ, такъ что дальнѣйшее отступленіе стало невозможнымъ.

„Въ эту ужасную минуту,—разсказывалъ потомъ Софроній Семеновичъ:—я завидовалъ существованію ничтожнаго мышенка, готовъ былъ спрятаться въ мышиную норку, провалиться сквозь полъ, исчезнуть съ лица земли.

За нѣсколько часовъ до своего отъѣзда Д. Г—чъ показалъ примѣръ повиновенія начальству на гимназистахъ. Послѣ маршировки на университетскомъ плацу, съ инспекторомъ Гренковымъ во флангѣ, онъ скомандовалъ дѣтямъ:

— Ложись!—и обѣ гимназіи, какъ одинъ человѣкъ, полегли.

—Храпи! спи! вставай!—и все въ точности исполнено.

— Вотъ какъ нужно повиноваться начальству!—обратился онъ поучительнымъ тономъ къ представителямъ дворянства трехъ Юго-Западныхъ губерній, присутствовавшихъ при муштрѣ въ мундирахъ.

---

Начальникомъ края назначенъ волынскій губернаторъ, князь Илларіонъ Илларіоновичъ Васильчиковъ.

Въ этой же прощальной рѣчи своей къ дворянству Бибиковъ выразился о своемъ преемникѣ такими словами:

„Вмѣсто меня вступаетъ въ управленіе тремя губерніями кн. Васильчиковъ. Это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; онъ исполнитъ превосходно всѣ тяжелыя обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 15 лѣтъ“.

Къ Васильчикову перешло и номинальное управленіе Кіевскимъ учебнымъ округомъ; говорю номинальное потому, что въ сущности дѣлами округа продолжали заправлять прежніе воротилы: Юзефовичъ и Лазовъ. За три года своего управленія округомъ князь былъ только одинъ разъ во 2-й гимназіи, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ. Въ сопровожденіи помощника, онъ обошелъ классы, отнесся къ нашему педагогическому персоналу весьма ласково и благосклонно, такъ что мы увидѣли въ немъ болѣе именитаго посѣтителя, чѣмъ начальника. Суровый бибиковскій режимъ миновалъ навсегда; забитое и загнанное учительство вздохнуло свободнѣе; директоры насъ перестали пугать попечителемъ какъ букой; даже громовержецъ Михаилъ Владиміровичъ долженъ былъ измѣнить свое обращеніе съ подчиненными на болѣе вѣжливый тонъ. Гуманное отношеніе князя къ личности каждаго служащаго сдерживало буйные инстинкты власть имущихъ, не знавшихъ до того никакого удержу.

Попечительство кн. Васильчикова не ознаменовано ни однимъ важнымъ распоряженіемъ ни по учебной, ни по воспитательной части. Назначенія на должности, перемѣщенія, увольненія, награды шли не отъ попечителя, а отъ Юзефовича и Лазова; онъ только подписывалъ то, что ему подкладывали. Тѣмъ не менѣе въ его управленіе округомъ случилось событіе, по поводу котораго князь проявилъ свою самостоятельность: это увольненіе директора Немировской гимназіи Зимовскаго. Въ концѣ 1852 года съ Зимовскимъ опять случилась, такъ называемая, непріятная исторія: его опять побили. Дим. Гавр. за оскорбленіе дѣйствіемъ наградилъ въ первый разъ потерпѣвшаго орденомъ Анны 2-й степени, не смотря на то, что директоръ былъ кругомъ виноватъ, вызвавши своимъ жестокимъ обращеніемъ дикій поступокъ ученика Вольскаго; тутъ Егору Яковлевичу не мало помогли своимъ предстательствомъ Юзефовичъ и Могилянскій.—Теперь-же князь не принялъ отъ побитаго никакихъ объясненій и, отвергши заступничество Могилянскаго, велѣлъ Зимовскому подать въ отставку. И по дѣломъ!

*Педагогическій персоналъ* первыхъ годовъ моей Кіевской службы, *до попечительства Пирогова*, состоялъ изъ немалаго числа антиковъ, какихъ въ настоящее время уже не встрѣтить. Собственно говоря, гимназіей управлялъ не Ригельманъ, съ которымъ ни ученики, ни наставники не имѣли никакого дѣла, а инспекторъ *Н. М. Гренковъ*, находившійся безотлучно въ гимназіи и вѣдавшій самостоятельно какъ дисциплинарной, такъ и учебной частью въ заведеніи. Дѣйствительный студентъ педагогическаго института, родомъ изъ Тамбова, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе въ мѣстной семинаріи, Николай Михайловичъ въ 1835 году поступилъ въ должность учителя математики и физики въ первую гимназію и нѣкоторое время, за неимѣніемъ профессора, читалъ лекціи математики въ университетѣ Св. Владиміра, а въ 1837 году послѣ Павла Іеропеса, былъ назначенъ инспекторомъ во 2-ю кіевскую гимназію. Во все время своего инспекторства вплоть до увольненія отъ службы при Пироговѣ, Н. М—чъ слылъ ревностнымъ поклонникомъ

розги. У него заведенъ былъ такой порядокъ: впродолженіе цѣлой недѣли взысканія съ учениковъ производились только за шалости, не касаясь ихъ лѣни, а въ субботу надзиратели выписывали изъ классныхъ журналовъ наставленныя за всю недѣлю учителями единицы и нули, и всѣхъ лѣнтяевъ, коихъ число доходило иногда до 30 человѣкъ, оставляли по окончаніи уроковъ для расправы. Обычай этотъ, по всей вѣроятности занесенъ инспекторомъ изъ тамбовской семинаріи, гдѣ, какъ и въ другихъ духовныхъ училищахъ того времени, существовали *субботки* (subbativa).

При всемъ томъ, нужно отдать справедливость неусыпной дѣятельности Николая Михайловича, уснѣвавшаго водворять порядокъ въ такой многолюдной гимназіи, какою была въ то время 2-я кіевская. Въ ней числилось болѣе 700 человѣкъ, изъ коихъ 200 помѣщались въ общей квартирѣ при гимназіи, что при безучастномъ отношеніи г.г. преподавателей къ поведенію учениковъ внѣ класснаго времени, дѣлало службу инспектора весьма тяжелою; помощники же его, надзиратели, не оказывали ему ни малѣйшей помощи. Отвѣтственность за дисциплину, поэтому, всецѣло ложилась на инспектора. Каждый учитель, отбывши свои часы въ гимназіи, спѣшилъ на уроки въ другія заведенія, нисколько не заботясь о томъ, что творилось въ гимназіи во все остальное время, какія тамъ малыши претерпѣвали истязанія за тѣ единицы, которыя наставлены ими въ классныхъ журналахъ зря, безъ должнаго вниманія къ отвѣтамъ ученика и къ его слезнымъ оправданіямъ своей неуспѣшности.

Старѣйшимъ между преподавателями былъ учитель русскаго языка *Ѳ. В. Березницкій*, товарищъ Гренкова по педагогическому институту, человѣкъ не безъ способностей, извѣстный даже въ печати составленнымъ имъ учебникомъ ариѳметики, но сильно зашибавшій хмелемъ. Во все продолженіе своей кіевской службы, я ни разу не видѣлъ его совершенно трезвымъ; полупьяное состояніе у него было нормальнымъ; такимъ онъ являлся и на уроки. Ученики такъ привыкли къ этому, что совершенно мирились съ самыми безобразными его выходками.

Замѣчательно, что Ѳедоръ Васильевичъ года два почти ежедневно занимался съ дочерьми памятнаго Кіеву строителя милліонныхъ башенъ крѣпости печерской Клименка; вѣроятно, и тамъ къ нему привыкли.

— Господа!—обращался онъ къ ученикамъ,—у меня малина поспѣла, приходите ко мнѣ въ садъ да приносите съ собой побольше сахару!

Ученики шли къ нему въ садъ и несли сахаръ.

Учителемъ латинскаго языка и старшимъ надзирателемъ общей ученической квартиры былъ *И. Д. Юскевичъ-Красковскій*, бывшій во время оно и моимъ учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи при директорѣ Тимковскомъ, которому покойникъ былъ обязанъ весьма полезными совѣтами по части преподаванія латинскаго языка. На долю Ивана Даниловича выпала скромная доля педагога въ такое время, когда трудъ воспитателя юношества цѣнился не по достоинству, низводимый на степень подепной работы за весьма скудное вознагражденіе. О немъ будетъ еще рѣчь впереди.

Учитель математики и физики *Д. О. Бѣлоусовъ*, собутыльникъ Березницкаго, тоже любилъ приношенія учениковъ, главнымъ образомъ ромомъ и виномъ; но любя горькое, не отказывался и отъ сладкаго. Ученикъ V класса, получивъ на экзаменѣ двойку, пошелъ къ нему на домъ переэкзаменоваться, захвативъ съ собой головку сахару. Оставивъ въ передней сахаръ, онъ вошелъ въ пріемную и сталъ просить г. учителя выдать записку къ инспектору съ переводною отмѣткой. Димитрій Осиповичъ, заглянувъ въ переднюю и усмотрѣвъ тамъ голову сахару, не переэкзаменовывая, немедленно написалъ на бумажкѣ требуемую отмѣтку и вручилъ ее просителю. Ученикъ разсыпался въ благодарности и, уходя, береть принесенный сахаръ.

— А что жъ-это вы?—спрашиваетъ наставникъ.

— А это папаша велѣлъ купить для дому,—отвѣчалъ проказникъ.

— Ахъ ты подлецъ!—выругался наставникъ.

Въ первый годъ послѣ перемѣщенія моего изъ Немирова у меня жили два пансіонера V и VI класса. Одинъ изъ нихъ, Грохольскій, никакъ не могъ получить у Бѣлоусова удовлетворительную отмѣтку, а малый довольно способный.

Спрашиваю товарищей, что мнѣ дѣлать съ Бѣлоусовымъ?

— Очень просто,—отвѣчаютъ,—пригласи его на чай, да купи сперва бутылку ямайскаго—и дѣло въ шляпѣ.

Дѣйствительно, ромъ отлично подѣйствовалъ: послѣ чаю мои питомцы должны были отвесть своего наставника на квартиру, взявши его подъ руки, какъ архіерея. Затѣмъ передъ подачей инспектору мѣсячныхъ вѣдомостей я долженъ былъ купить еще бутылку и вторично пригласить на чай Б.

Второй преподаватель математики *Маврикій Павловичъ Байеръ*—аккуратнѣйшій и честнѣйшій учитель, занимавшійся съ учениками безвозмездно, даже внѣ класснаго времени—явленіе, сколько я помню, исключительное между математиками, угнетавшими учениковъ вымогательствомъ частныхъ уроковъ. Какъ нѣмецъ, онъ былъ большой формалистъ. При немъ находились во всякое время карманные „списочки“, гдѣ были записаны мельчайшія подробности относительно отвѣтовъ каждаго ученика. Жаль только, что своимъ кропотливымъ усердіемъ онъ не только не возбуждалъ въ ученикахъ любви къ своему предмету, но требованіемъ буквальнаго заучиванья учебника отбивалъ охоту къ изученію его. Вѣчно недовольный дѣйствіями надзирателей и критически относясь къ распоряженіямъ инспектора, неугомонный нашъ Маврикій постоянно твердилъ о необходимости введенія въ число предметовъ гимназическаго курса особой науки, которую онъ называлъ „моралами“. Впродолженіе всей своей службы во 2-й гимназіи онъ постоянно имѣлъ богатыхъ пансіонеровъ и при своей скупости сколотилъ порядочный капиталецъ. Въ концѣ своей службы онъ женился и послѣдніе годы жизни вѣчно нуждался въ деньгахъ и умеръ почти нищимъ.

До Пирогова законоучителемъ во 2-й гимназіи былъ о. *Ѳедоръ Мисловскій*, настоятель Георгіевской церкви и большой пріятель Березницкаго и Бѣлоусова. Но у о. Ѳедора былъ еще

одинъ домашній другъ, товарищъ его по академіи, приснопамятный Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. Овдовѣвъ дважды и трижды перемѣнивъ службу, онъ былъ окончательно уволенъ въ отставку и, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, пріютился у о. Ѳедора. Живя у него на полномъ иждивеніи, В. И. постоянно на его счетъ приглашалъ гостей, а во дни храмового праздника, именинъ своихъ и хозяина, собиралъ такое множество духовенства—и бѣлаго, и чернаго, иногда даже съ архіереемъ во главѣ, что нашему батюшкѣ каждый пріемъ обходился не менѣе ста рублей. Случалось и мнѣ посѣщать своего сослуживца „не ради рома и арака“, а совсѣмъ съ другою цѣлію. Дѣло въ томъ, что къ Аскоченскому, великому знатоку церковнаго пѣнія, приходилъ иногда знаменитый въ то время теноръ, студентъ духовной академіи Чумачевскій. Они-то вдвоемъ весь вечеръ услаждали мой слухъ превосходнымъ исполненіемъ духовныхъ концертовъ, дуэтовъ, отрывковъ изъ оперъ и т. п. Иногда Чумачевскій приводилъ съ собой еще двухъ студентовъ; тогда формировался цѣлый хоръ. Наконецъ, пребываніе Виктора Ипатьевича у пріятеля стало ужъ черезчуръ накладно для него, и онъ, пожертвовавъ единовременно нѣкоторой суммой для предпринятаго В. И—чемъ путешествія въ Петербургъ, освободился отъ засидѣвшагося у него гостя. Получивъ субсидію, Аскоченскій началъ издавать свою, исполненную мракобѣсія, „Домашнюю бесѣду“.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ просвѣщали русское юношество два брата грекосы, выходцы изъ турецкой провинціи, воспитанники смирнской семинаріи—*Павелъ* и *Николай Христофоровичи Іеропесы*. Старшій изъ нихъ Павелъ былъ нѣкоторое время инспекторомъ 2-й гимназіи, потомъ лицея кн. Безбородка, а младшій—Николай Христофоровичъ былъ сперва младшимъ профессоромъ въ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, а потомъ учителемъ греческаго языка во 2-й кіевской гимназіи. Этотъ Н. Х—чъ любилъ часто вспоминать, какъ они съ братомъ учились въ смирнскомъ университетѣ: „оба мы хорошо учились и кончили

заведеніе—братъ Павелъ кандидатомъ, а я—дѣйствительнымъ студентомъ, потому что у меня по чистописанію не вышли кандидатскіе балы".

На урокахъ Николай Христофоровичъ иногда пускался въ филологическія тонкости. Однажды онъ сталъ превозносить богатство русскаго языка въ сравненіи съ греческимъ:

„По гречески слово γίγνω—значитъ родить; для всѣхъ людей и животныхъ существуетъ одно это слово и человѣкъ—родилъ, и собака—родилъ, и корова—родилъ, и свиня—родилъ, а по-русски говорятъ: собака—окотенился, корова—опоросился, свиня—отелился: очень, очень богаты русскій языкъ".

Николая Христофоровича Іеропеса смѣнилъ *В. В. Ѳедоровъ*, человѣкъ несомнѣнно умный, основательно знавшій древніе языки, не исключая, разумѣется, и родного языка еврейскаго; обладалъ сверхъ того чисто жидовскою изворотливостію и пронырствомъ. Онъ ловко обошелъ не только такого недальновиднаго господина, какимъ былъ нашъ директоръ, но успѣлъ провесть и нѣкоторыхъ попечителей, не исключая и самого Пирогова. Всѣ видѣли въ немъ недосягаемое для другихъ учителей совершенство.

— Отчего у васъ, господа, такъ много единицъ и двоекъ наставлено въ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ и классныхъ журналахъ? Посмотрите у г. Ѳедорова—одни пятерки!—не переставалъ приставать директоръ къ преподавателямъ.

Но ему наконецъ заявили, что греческій языкъ „во первыхъ, предметъ необязательный; во-вторыхъ, къ Ѳедорову шли только такіе ученики-добровольцы, у которыхъ и по всѣмъ другимъ предметамъ имѣлись отмѣтки не менѣе $4^1/_2$,—значитъ только самые способные, какихъ въ каждомъ классѣ не болѣе пяти-семи человѣкъ; старались же они получить и по-гречески высшую отмѣтку изъ-за того, что за это при выпускѣ давался чинъ XIV класса. Очевидно, съ полдюжиной учениковъ и притомъ самыхъ способныхъ, заниматься несравненно легче и пріятнѣе, чѣмъ съ 60-ю или 80-ю. Но не смотря на очевидность такого факта, Ѳедоровъ сумѣлъ пустить пыль въ глаза начальству блистательными успѣхами своихъ учениковъ.

Учитель географіи—*Ѳ. В. Коленко*, сынъ Новгородъ-Сѣверскаго казначея, одинъ изъ пяти братьевъ, изъ коихъ только старшій не попалъ въ педагоги; и онъ нисколько не сожалѣлъ объ этомъ, оставаясь всю жизнь дѣлопроизводителемъ въ управленіи Шостенскаго порохового завода при нѣсколькихъ генералахъ-начальникахъ; тамъ онъ нажилъ громадное состояніе. Нашъ Ѳедотъ былъ третьимъ сыномъ казначея Василія Ивановича. Обремененный большимъ семействомъ, онъ принужденъ былъ давать много частныхъ уроковъ по всему Кіеву и умеръ въ ранніе годы отъ истощенія силъ.

*И. М. Звонниковъ*—изъ Кіево-Подольскихъ старожиловъ, преподавалъ большею частью въ параллельныхъ классахъ русскій языкъ и географію, имѣлъ тоже не менѣе 40 уроковъ въ недѣлю въ разныхъ частяхъ города. Живя въ домѣ родителей на Кирилловской улицѣ, онъ обыкновенно приходилъ на службу съ пятикопѣечной булкой въ карманѣ и, обѣгавъ городъ, возвращался домой въ 9 часовъ вечера. Затѣмъ, свободное отъ такой каторжной работы время, т. е. праздники и каникулы, онъ употреблялъ на изученіе латинскаго языка, подъ руководствомъ своего бывшаго профессора, А. К. Деллена. Латынь дала ему возможность сдѣлать карьеру: Кн. Ширинскій—Шихматовъ, перейдя въ Московскій округъ, потянулъ его за собой и сдѣлалъ Окружнымъ инспекторомъ. Такое небывалое повышеніе смутило и самого Звонникова, такъ что по пріѣздѣ въ Москву, онъ просилъ попечителя дать ему болѣе скромную должность, и тотъ назначилъ его директоромъ Ярославской гимназіи. Прослуживъ 37 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Острѣ, гдѣ года черезъ два умеръ.

Другой учитель русскаго и славянскаго языка *Ковалевскій*, переведенный изъ Бѣлой Церкви, человѣкъ отъ природы робкій и какой-то загнанный, обладая при томъ неказистой наружностью, былъ вѣчнымъ мученикомъ безжалостныхъ мальчиковъ, (сей возрастъ жалости не знаетъ,—сказалъ Крыловъ), получая въ прибавку послѣ каждаго урока выговоръ директора за неумѣнье удержать порядокъ въ классѣ. Сознавая свое безсиліе

укротить маленькихъ звѣрьковъ, онъ нерѣдко плакалъ во время уроковъ. Не надѣясь наконецъ ни на защиту инспектора, ни на строгія взысканія за учиненныя ему пакости, онъ однажды, выбившись изъ силъ, палъ на колѣни предъ образомъ Божіей Матери и обратился съ мольбой къ защитницѣ всѣхъ скорбящихъ: „Матерь Божія!—взмолился наставникъ:—накажи ихъ, негодныхъ!“ А негодяи все-таки продолжали дѣлать ему всевозможныя пакости: то воробья выпустятъ во время урока, то зазвонятъ на послѣдней скамьѣ въ колокольчикъ, то заведутъ машинку съ веселой музыкой.

Про этого горемыку-педагога ученики сочинили такіе стишки:

Колокольчикъ звенитъ—
Ковалевскій бѣжитъ,
Садится за столъ
И объясняетъ глаголъ:

Глаголъ есть такая часть рѣчи,
Что Ковалевскій упалъ съ печи,
Ударился о-полъ
И выскочилъ глаголъ.

Не нашелъ этотъ злосчастный труженикъ счастья и по выходѣ въ отставку: избавившись отъ мучительства дѣтей и отслуживши благодарственный молебенъ, онъ недолго пользовался свободой: черезъ годъ онъ ослѣпъ и окончилъ жизнь въ богадѣльнѣ.

Учитель латинскаго языка въ параллельныхъ отдѣленіяхъ *И. С. Семяновскій*, одинъ изъ трехъ братьевъ, хорошо мнѣ знакомыхъ: старшій былъ городовымъ врачемъ въ Винницѣ, второй—вдовый священникъ Покровской церкви на Подолѣ.

Мой коллега Иванъ Степановичъ жилъ въ церковномъ домѣ, вмѣстѣ съ матерью, сестрой и священникомъ о. Василіемъ. Каждый изъ членовъ этого благодушнаго семейства имѣлъ свои собственныя средства, и потому никто изъ нихъ не былъ въ тягость другимъ, внося въ общую складчину на продовольствіе извѣстную сумму. Жили они между собой очень дружно, не зная никакихъ развлеченій. И. С. зналъ только одну въ Кіевѣ улицу, ведущую изъ Подола въ гимназію, одно занятіе—уроки латинскаго языка. Это патріархальное семейство принадлежало каѳедральному протоіерею Кіево-Софійскаго собора о. Стефану,

оставившему своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, вмѣсто обезпеченнаго состоянія, органическій порокъ сердца, сократившій жизнь всѣхъ четырехъ дѣтей: и самъ онъ, и всѣ дѣти его умерли скоропостижно.

Преподаватель французскаго языка въ низшихъ классахъ, сынъ польскаго эмигранта *Лабенскій* служилъ для дѣтей такою же мишенью всевозможныхъ проказъ, какъ и Ковалевскій.

При началѣ каждаго учебнаго года, съ перваго же урока онъ приказывалъ ученикамъ 1-го класса запастись тетрадями, въ которыя они должны были вписывать тянувшееся цѣлый годъ спряженіе глаголовъ avoir и être (не зная еще ни одной буквы по-французски). Неимѣніе тетради влекло за собой наказаніе, причемъ г. учитель покушался даже на остроуміе: „тетрадь нема, глова пуста—на колѣна, пожалуста!“

Урокъ обыкновенно начинался у него перекличкою, при чемъ каждый разъ у него въ классѣ оказывался „новый ученикъ“. Дѣло въ томъ, что у Лабенскаго находился карманный списокъ учениковъ, который онъ ежедневно свѣрялъ во время перемѣнъ съ класснымъ журналомъ. Операцію эту онъ производилъ, застромивъ перо за ухо и водя обѣими руками по журналу и списку, отмѣчая крестиками фамилію, причемъ въ концѣ непзбѣжно оказывался „новый ученикъ“, котораго онъ и вносилъ въ свой списокъ; но этотъ „новый ученикъ“ сидѣлъ уже второй годъ въ томъ же классѣ. Такое недоразумѣніе происходило отъ того, что надзиратель, приготовляя классный журналъ на будущую недѣлю и помѣщая фамилію по алфавиту, иногда по ошибкѣ пропускалъ какого-нибудь ученика въ срединѣ и записывалъ его въ концѣ. Этотъ-то субъектъ и оказывался „новымъ ученикомъ“. Окончивъ перекличку, учитель занимался пересмотромъ тетрадей, что, при многолюдствѣ классовъ, продолжалось болѣе получаса, послѣ чего для упражненія въ чтеніи (а это самое важное для 1-го класса) оставалось нѣсколько минутъ.

Нечего говорить, что пользы отъ такого преподаванія не было ни малѣйшей.

Въ высшихъ классахъ французскій языкъ преподавалъ *Малэрбъ*—родомъ полякъ, получившій образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и потому обладавшій знаніемъ русскаго языка, вслѣдствіе чего и преподаваніе у него шло довольно успѣшно.

Учитель нѣмецкаго языка *Сигизмундъ* пользовался заслуженною извѣстностію въ Округѣ. Составленная имъ грамматика употреблялась во всѣхъ гимназіяхъ. Какъ преподаватель, онъ однако-жъ не могъ похвалиться успѣхами своихъ учениковъ: не обладая здоровьемъ, онъ часто пропускалъ уроки, и скоро по болѣзни вышелъ въ отставку.

Второй учитель нѣмецкаго языка *Гаазе*—тупоумное и упрямое созданіе, доставлявшее не мало возни съ учениками Инспектору, надоѣдая ему своими жалобами на ихъ проказы. Ученикъ VI класса Ш—ій выкинулъ ему такое колѣнце: когда нѣмецъ, по окончаніи уроковъ выходилъ изъ класса, онъ схватилъ его за хвостики фрака и одинъ изъ нихъ остался у него въ рукахъ. Инспекторъ страшно разсвирѣпѣлъ. (Директоръ въ то время былъ въ деревнѣ). Призвавъ Ш—аго въ инспекторскую комнату, онъ объявилъ ему, что исключитъ изъ гимназіи съ оповѣщеніемъ по Округу. 20-лѣтній юноша, какъ оказалось, былъ шкодливъ, какъ котъ, а трусливъ, какъ заяцъ: онъ ударился въ слезы, прося замѣнить исключеніе какимъ-нибудь другимъ наказаніемъ, напр., заключеніемъ на двѣ недѣли въ карцерѣ. Но инспекторъ вопросъ о наказаніи поставилъ иначе: или исключеніе, или розги. Послѣ долгихъ упрашиваній ученикъ наконецъ согласился на розги, подъ условіемъ, чтобы о наказаніи не знали товарищи. Инспекторъ беретъ листъ бумаги, кладетъ передъ Ш—мъ на столъ и диктуетъ ему просьбу о томъ, чтобы его высѣкли. Послѣ этого раба Божія повели въ сторожку и всыпали ему 25 горячихъ. Хотя онъ подъ розгами и силился не кричать, искусавши языкъ до крови, но товарищи провѣдали какимъ-то способомъ о его позорномъ наказаніи и выгнали его изъ класса: какъ, дескать, ты подлецъ, позволилъ себя высѣчь?

Вопросъ: какъ рѣшился Гренковъ, въ противность уставу, допускавшему тѣлесныя наказанія только въ трехъ низшихъ классахъ, наказать розгами ученика VI класса? Да, рѣшился, ничто-же сумняшеся; значитъ, это практиковалось не въ одной 2-й гимназіи, а то же самое, какъ мы видимъ, продѣлывалось и у Зимовскаго и у Китченка, не говоря уже о кадетскихъ корпусахъ и духовныхъ училищахъ.

Попечитель фонъ-Брадке сильно настаивалъ въ Министерствѣ на томъ, чтобы это позорное наказаніе распространить еще на IV и V классы. „Находясь въ нѣжномъ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, ученики этихъ классовъ, естественно (?), не могутъ понимать собственной пользы и надлежаще управлять своими поступками“,—писалъ онъ Министру въ 1837 году. Да, жестокіе, сударь, нравы были у моихъ современниковъ!

Ученикъ Щ—скій былъ не послѣднею жертвой этихъ жестокостей. Благодаря безтактности того же безтолковаго Гаазе, у него случилась на урокѣ въ V классѣ новая исторія. Спрашиваетъ онъ ученика Шварца урокъ, а тотъ отвѣчаетъ: „не знаю“.

— Ну, то имѣешь единицу! порѣшилъ учитель.

— За что же единицу?

— Ну, то имѣешь нулъ!

Шварцъ подбѣгаетъ къ каѳедрѣ и даетъ нѣмцу пощечину. Наказаніе послѣдовало жестокое въ присутствіи Юзефовича и жандармовъ; затѣмъ опредѣлено отдать Шварца въ барабанщики.

Отбарабанивъ положенный срокъ, онъ принялся за ремесло своего отца—единственнаго въ то время въ Кіевѣ зубнаго врача—и сталъ вставлять зубы искусственные, тогда какъ прежде онъ умѣлъ лишь выбивать натуральные. Братъ новаго дантиста, впослѣдствіи извѣстный акушеръ, находился въ то время въ VII классѣ.

Старѣйшій аборигенъ 2-й кіевской гимназіи *И. Я. Красокутскій* началъ свою службу учителемъ чистописанія и рисованія въ 1836 году. Выслуживъ пенсію, онъ оставался на службѣ по найму до 1863 года только учителемъ одного чистописанія; купилъ себѣ на Жилянской улицѣ $2^1/_2$ десятины земли за 250

рубл., выстроилъ домъ и развелъ садъ. За 30 лѣтъ своей службы онъ никого не научилъ ни чистописанію, ни рисованію, за то лучшіе сады въ Кіевѣ, съ превосходными берами разныхъ сортовъ обязаны своимъ существованіемъ школѣ фруктовыхъ деревъ Ивана Яковлевича. Настроивъ себѣ домовъ, выростивъ и устроивъ судьбу полдюжины дѣтей, все изъ доходовъ своего сада, онъ безвозмездно уступилъ городу значительную часть своего сада подъ нынѣшнюю Маріинско-Благовѣщенскую улицу; образовавшіяся же по обѣимъ сторонамъ новой улицы усадьбы (самая большая изъ которыхъ принадлежитъ Обществу Краснаго Креста), проданы за 25 тысячъ. Распредѣливъ эту сумму между дѣтьми по духовному завѣщанію, онъ умеръ на 90 году своей жизни.

Иванъ Яковлевичъ былъ человѣкъ стариннаго покроя. Служебный его костюмъ—какого-то пѣгаго цвѣта вицмундиръ, суконный съ форменными пуговицами жилетъ, панталоны съ желтыми пятнами и яко-бы бѣлый галстухъ, который занашивался до того, что дѣлался почти желтымъ. Подтруниванья сослуживцевъ и нетонкіе намеки начальства позаботиться о своей внѣшности—на него не дѣйствовали, а извѣстный буффонъ Березницкій продѣлалъ съ нимъ такую шутку: однажды на большой перемѣнѣ, въ сборную учительскую комнату сторожъ передалъ пакетъ на имя И. Я. Краснокутскаго. Вынимаетъ И. Я. перевязанныя веревочкой очки, надѣваетъ съ подобающею важностію на носъ и читаетъ: „М. Г. Слава объ изяществѣ вашего костюма, сшитаго всегда со вкусомъ, по послѣдней парижской картинкѣ, дошла до Петербурга; вслѣдствіе чего честь имѣю обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою осчастливить и мою фирму заказомъ, и проч. Съ почтеніемъ Альшвангъ".

Окончивъ чтеніе и окинувъ всѣхъ присутствующихъ поверхъ очковъ сердитымъ взглядомъ, И. Я. передалъ инспектору письмо, а тотъ и радъ стараться, сейчасъ же приступилъ къ разслѣдованію. Но Березницкій остановилъ его: „это я, Н. М., пошутилъ".

Учитель рисованія *Алексѣевъ*, по свидѣтельству художника Іордана (Р. Старина 91 года), еще въ академіи „подвергался

пагубной страсти пьянства, за что не разъ сидѣлъ въ карцерѣ". Изъ академіи художествъ онъ попалъ въ одно изъ дворянскихъ училищъ Кіевской губерніи и тамъ женился. Директоръ 2-й гимназіи (тогда губернской) проф. Богородскій перемѣстилъ его въ Кіевъ, поближе къ своей резиденціи. Семейная жизнь этого горемыки, начавшая благодѣтельно вліять на него послѣ столичнаго безпутства, съ перемѣщеніемъ въ Кіевъ, погибла безвозвратно.

Съ этого времени три-четыре дня каждаго мѣсяца, а иногда и цѣлую недѣлю, получивъ 1-го числа жалованье, Алексѣевъ пилъ безъ просыпу и являлся на службу въ самомъ жалкомъ видѣ: въ затасканномъ вицмундирѣ, съ налитыми кровью глазами, весь трясущійся, разслабленный. Какое тутъ могло быть преподаваніе—объ этомъ никто не заботился; хорошо, что ученики, изъ жалости къ учителю, сидѣли смирно и не дѣлали ему никакихъ пакостей. Всѣ сослуживцы его чуждались, не съ кѣмъ ему было слова сказать. Замѣтивъ, что я къ нему отнесся участливо, къ чему этотъ отверженникъ не привыкъ, онъ сразу какъ-то прильнулъ ко мнѣ и сталъ навѣщать меня, каждый разъ прося водочки. Я ставилъ на столъ графинчикъ съ двумя-тремя рюмками очищенной; самъ себѣ наливая, онъ осушалъ стклянницу и уходилъ отъ меня всегда довольный и веселый въ свою „Швейцарію".

Наканунѣ Пасхи, получивъ отъ своей хозяйки Елисаветы Григорьевны двѣ превосходно испеченныя бабы, я вспомнилъ бѣднягу Алексѣева, которому, подумалъ я, и разговѣться вѣрно нечѣмъ, порѣшилъ пожертвовать ему ва бѣдность одну бабу. Жилъ онъ въ концѣ Фундуклеевской улицы наискось противъ анатомическаго театра въ т. н. Швейцаріи, гдѣ обыкновенно ютились студенты-медики, въ домикѣ подъ деревянной крышей (такихъ домовъ теперь и слѣда не осталось). Вхожу въ первую комнату—за столомъ ничѣмъ неприкрытымъ, сидитъ сѣдоусый кавалеръ, протянувъ впередъ свою деревяшку, а противъ него женщина нищая; на столѣ шкаликъ, стаканъ и полба, сильно засохшая. Я въ другую комнату—и мнѣ представилась такая картина: на обшарпанномъ диванѣ возлежитъ самъ хозяинъ въ

засаленномъ халатѣ, надѣтомъ на голое тѣло, по столу и по полу разсыпана мука, надъ диваномъ виситъ „китара“, а по комнатѣ бѣгаетъ хрюкал и повизгивая, поросенокъ.

— Не правда-ли, Михаилъ Корнѣевичъ, вѣдь это натура! заливался добродушнымъ смѣхомъ, отозвался художникъ.

Н. М. Гренковъ, въ ожиданіи директорства, порѣшилъ было представить Алексѣева къ увольненію, но я упросилъ его пообождать съ этимъ, пока я спишусь съ И. М. Сошенкомъ, который около 10-ти лѣтъ, уйдя отъ Зимовского, оставался безъ службы, и ссорясь съ батюшками изъ-за нелѣпыхъ антихудожественныхъ требованій. Инспекторъ согласился. И вотъ, получивъ 75 рублей пособія, да выручивъ столько-же за разыгранную въ лотетрею картину, Алексѣевъ былъ готовъ къ переселенію въ Новгородъ-сѣверскую гимназію. Денегъ ему, конечно, я на руки не далъ, а сдѣлавъ ему приличный костюмъ, сдалъ его на руки студенту Каменецкому, который взялся довезти его до мѣста и тамъ водворить на пріисканной для него квартирѣ. И. М. Сошенко, пріятель Шевченка, поступилъ на его мѣсто и прослужилъ во 2-й гимназіи до самой смерти—до 1877 года. [1])

---

По выходѣ въ отставку Н. А. Ригельмана, Гренковъ вступилъ въ исправленіе должности директора, а мнѣ предложилъ исполнять обязанности инспектора, на что я согласился подъ условіемъ—не совершать субботнихъ сѣкуцій, которыя остались за нимъ. Старые аборигены-учителя были обижены такимъ предпочтеніемъ имъ пришельца, сравнительно молодого человѣка, и повели было противъ меня интригу. Но мое quasi-инспекторство продолжалось недолго, такъ-какъ, съ назначеніемъ новаго директора, инспекторомъ назначенъ завѣдующій землемѣрскимъ училищемъ подполковникъ *И. Я. Монаховъ*. Гренкову на сей разъ не удалось попасть въ директоры; тутъ и пріятель Лазовъ не могъ ничего подѣлать, потому что крупныя назначенія по

---

[1]) Желающимъ ближе ознакомиться съ недюжинною личностью этого художника рекомендуемъ его «Біографич. очеркъ» 1877 г.

Округу, въ попечительство кн. Васильчикова съ княгиней Екатериной Алексѣевной, совершались въ кружкѣ аристократіи въ Липкахъ, къ обществу которой поповичъ Гренковъ не принадлежалъ; тамъ фигурировалъ инспекторъ 1-й гимназіи Е. П. Стеблинъ-Каменскій, хотя самъ не аристократъ, но женатый на аристократкѣ. Нашъ Николай Михайловичъ долженъ былъ уступить насиженное мѣстечко своему великосвѣтскому сопернику и занять его мѣсто—инспектора 1-й гимназіи.

Вступивъ въ должность директора, Егоръ Павловичъ сейчасъ-же отмѣнилъ сѣченіе по субботамъ и вообще сильно ослабилъ бразды правленія, уже черезчуръ натянутыя Гренковымъ.

Стеблинъ-Каменскій свысока относился къ своимъ новымъ сослуживцамъ и очень небрежно къ своимъ обязанностямъ. Приходилъ онъ въ гимназію только на большой перемѣнѣ—побесѣдовать съ преподавателями, и никогда не заглядывалъ въ классы. Стараясь поддержать связи съ обитателями Липокъ, но не имѣя на то матеріальныхъ средствъ, онъ промышлялъ счастливой игрой въ карты, такъ-какъ казеннаго жалованья, по его словамъ, не хватало даже на жалованье прислугѣ.

Съ назначеніемъ Могилянскаго директоромъ Лицея кн. Безбородка, ему предложена была вакансія инспектора казенныхъ училищъ, и только тогда Гренкову удалось получить директорство во 2-й гимназіи, которое принадлежало ему, по праву долголѣтняго служенія этому заведенію, еще прежде. Сдѣлавшись самовластнымъ распорядителемъ судебъ нашей гимназіи, Н. М. нашелъ въ ней, за весьма короткое свое отсутствіе, многое измѣнившимся. Безучастное отношеніе Стеблина-Каменскаго къ своимъ обязанностямъ и слишкомъ слабый надзоръ за учащимися инспектора Монахова не могли не повліять на состояніе дисциплины въ заведеніи, вслѣдствіе чего суровый режимъ недавняго прошлаго возобновился еще въ сильнѣйшей степени.

И. Я. Монаховъ, переименованный изъ подполковника въ коллежскіе совѣтники, получилъ первоначальное образованіе въ заведенной Аракчеевымъ для солдатскихъ дѣтей школѣ Кан-

тонистовъ, откуда за отличные успѣхи былъ отправленъ въ Петербургское училище топографовъ, по окончаніи котораго вернулся въ Кіевъ и получилъ должность преподавателя въ землемѣрскомъ училищѣ. Хотя самъ Иванъ Яковлевичъ прошелъ суровую школу, но на учениковъ любилъ дѣйствовать больше убѣжденіемъ и внушеніемъ, чѣмъ тѣлесными наказаніями, при чемъ постоянно приводилъ имъ въ примѣръ своего сына, воспитанника 1-й гимназіи, отличившагося, по его мнѣнію, безукоризненною нравственностію; это тотъ самый Монаховъ, который впослѣдствіи сталъ знаменитымъ артистомъ императорскихъ театровъ. Но мораль инспектора до того иногда надоѣдала ученикамъ, что иной забіяка готовъ былъ подвергнуться самому строгому взысканію, чтобы избѣжать этой морали. Юношей живого темперамента И. Я. терпѣть не могъ и не прощалъ имъ ни малѣйшей шалости, не смотря на ихъ выдающіяся способности и отличные успѣхи въ наукахъ.

Нѣкоторые воспитанники, достигшіе впослѣдствіи извѣстности на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, были имъ гонимы и преслѣдуемы за строптивость: такъ, извѣстный этнографъ Чубинскій не вылазилъ изъ карцера и долженъ былъ выйти изъ VI класса; нынѣшній директоръ Батумской гимназіи А. И. Стояновъ лишенъ былъ золотой медали, благодаря аттестаціи инспектора.

И. Я. Монаховъ, человѣкъ по характеру мягкій и добродушный, но упрямый и неподатливый, не могъ удовлетворить требованіямъ Гренкова, человѣка крутого и прямолинейнаго, не допускавшаго ни оправданій, ни компромиссовъ, а потому И. Я., тяготясь своею службою и сожалѣя о военномъ мундирѣ съ жирными эполетами, которому онъ измѣнилъ, промѣнявъ его на скромный костюмъ педагога, перешелъ въ кадетскій корпусъ преподавателемъ землемѣрія; тамъ его скоро сдѣлали генераломъ.

Помощниковъ у инспектора было шестеро: три по гимназіи и столько-же по общей квартирѣ. Кромѣ того въ общей квартирѣ былъ еще одинъ, т. н. старшій надзиратель, вѣдавшій учеб-

ную часть. Должность эту послѣдовательно занимали: Юскевичъ-Красковскій, Чалый и И. Ф. Хильчевскій.

*В. Г. Садковскій*, смѣнившій пьянчужку Вульфа, былъ прежде становымъ приставомъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ и потому обладалъ всѣми качествами полицейскаго сыщика. По тогдашнему взгляду на обязанности надзирателя, отъ него большаго и не требовалось. Живя въ гимназіи, онъ являлся на службу съ первымъ звонкомъ и наблюдалъ за учениками до прихода учителей. Шныряя безпрерывно по корридору и по классамъ, онъ прекращалъ ссоры, предупреждалъ драки, разнималъ дерущихся мальчугановъ, защищая слабосильныхъ отъ взрослыхъ буяновъ и т. п. Мальчики скромные и почтительные пользовались его особеннымъ благоволеніемъ, а къ дерзкимъ грубіянамъ онъ питалъ неумолимую строгость, рапортуя инспектору о самыхъ ничтожныхъ проступкахъ, даже преувеличивая ихъ. По размѣщеніи учениковъ по классамъ, для Садковскаго начинались болѣе спокойныя занятія: внесеніе въ штрафной журналъ проступковъ, опаздываніе и небытность въ гимназіи какъ учениковъ, такъ и преподавателей.

*Л. П. Косницкій*—лѣнивое, неповоротливое глупое созданіе, не приносившее заведенію ни малѣйшей пользы. Инспекторъ Монаховъ имѣлъ обыкновеніе, за болѣзнію какого-нибудь учителя, посылать въ классъ надзирателя для соблюденія тишины; но Косницкій своей смѣшной фигурой возбуждалъ только шумъ при своемъ появленіи. Однажды, не будучи въ состояніи справиться съ IV классомъ, онъ прибѣжалъ къ инспектору съ жалобой. И. Я. съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣдилъ учениковъ сидѣть смирно и, должно быть, на тотъ разъ подѣйствовалъ на нихъ: ученики присмирѣли. Но Косницкій снова прибѣжалъ въ инспекторскую:

— Какъ Вамъ,—говоритъ, угодно, И. Я—чъ, а я не могу быть въ классѣ.

— Да почему же Вы не можете? Кажется, они сидятъ тихо.

— Да, они тихо сидятъ, но если-бъ вы видѣли, какъ они на меня смотрятъ... Какъ вамъ угодно, а я не пойду къ нимъ.

Дѣло въ томъ, что проказники, послѣ наставленія, дѣйствительно перестали галдѣть, но сговорившись, устремили на него глава всѣ до одного человѣка; такого присматриванья, магнетически дѣйствовавшаго на блюстителя тишины—онъ не могъ выдержать. Иногда, впрочемъ, при воцарившейся тишинѣ, Косницкій начиналъ кунять, тогда съ задней скамьи раздавались стихи:

Что вы спите, Левъ Петровичъ,
Вѣдь пріѣхалъ Юзефовичъ! и пр.

*Лысый Козловскій* съ учениками не имѣлъ никакихъ сношеній; онъ все время сидѣлъ въ инспекторской и пересчитывалъ собранныя за право ученія деньги.

Другіе три надзирателя дежурили въ общей ученической квартирѣ:

Высокопарнѣйшій *Софроній Семеновичъ Гриценко*, слушавшій Димитрія Гавриловича „съ уваженіемъ“.

Г—ій, sic dictus *Гичка*, которому воспитанники не разъ по ночамъ устраивали кошачьи концерты.

*П. И. Романовскій*—Сова, главный директорскій агентъ и поставщикъ по части построенія форменной одежды, бѣлья, отопленія, освѣщенія общей квартиры; человѣкъ пронырливый, который, по словамъ его сослуживца Гриценка, на семь саженъ видѣлъ, что подъ землею дѣлается.

---

Прожилъ я у Токарскаго на Кузнечной улицѣ съ небольшимъ годъ и затѣмъ переселился на Васильковскую улицу, вмѣстѣ со своими пансіонерами и своимъ Санчо-Пансой Ефимомъ. Это былъ большой оригиналъ, человѣкъ, впрочемъ, высокой честности, отставной николаевскій солдатъ и кавалеръ. Какъ у Токарскаго, такъ и на новой моей квартирѣ меня часто посѣщали студенты-пѣвцы, между которыми первенствующую роль игралъ извѣстный знатокъ пѣсенной литературы Степанъ Даниловичъ Носъ. Его постоянно сопровождалъ симпатичный юноша Сережа Пристюкъ, братъ моего товарища Тимоѳея, находившагося тогда въ Черниговѣ инспекторомъ гимназіи. Гости

мои иногда запѣвались за полночь и не разъ оставались у меня ночевать. Посѣщалъ меня еще одинъ студентъ-медикъ, мой бывшій ученикъ по Немировской гимназіи, Зиневичъ. Окончивъ гимназію въ 1846 г. и поступивъ въ университетъ, онъ впродолженіе 8 л. не могъ добиться званія лѣкаря, такъ что я засталъ его въ 1852 году 32-хъ-лѣтнимъ студіозомъ. Мало даровитый отъ природы и страшно близорукій, онъ кромѣ того подпалъ подъ опалу у пр. анатоміи Вальтера, часто вымещавшаго на студентахъ свои неудачи въ любовныхъ похожденіяхъ: по жалобѣ его метрёссъ соперники профессора были прижимаемы на экзаменахъ. Но этотъ ученый мужъ былъ не волокита только, но и мстительный господинъ, любившій наушничество. Между студентами нашелся претендентъ на руку его сестры—студентъ Эргардтъ, который впослѣдствіи и женился на ней. Съ нимъ у Зиневича были свои счеты; заподозривъ его въ наушничествѣ, Зиневичъ далъ ему пощечину, обозвавъ его жидомъ, и тѣмъ вооружилъ противъ себя Вальтера, который три года сряду обрѣзывалъ его на окончательномъ экзаменѣ—на препаратѣ, котораго З., по своей близорукости, не могъ приготовить.

Войдя въ положеніе бѣдняка неудачника, я черезъ знакомыхъ профессоровъ повліялъ на Вальтера, и онъ далъ слово не вредить ему больше.

Этотъ Зиневичъ однажды зимой зашелъ ко мнѣ на чай прямо изъ анатомическаго театра. Сидимъ мы съ нимъ за самоваромъ и балагуримъ. Въ передней послышался сильный стукъ и затѣмъ сердитое ворчанье, харканье и отплевываніе моего вѣрнаго слуги.

— Что тамъ случилось, Ефимушка?—спрашиваю его.

— Онъ принесъ въ комнату стерву!—отвѣчаетъ Ефимъ, указывая на гостя, не переставая плеваться.

Дѣло въ томъ, что Зиневичъ изъ анатомическаго театра притащилъ подъ шинелью мерзлую человѣческую ногу, которую ему препарировали для экзамена товарищи, и онъ, идя на квартиру, зашелъ ко мнѣ и поставилъ ее за дверьми въ передней;

нога оттаяла и упала на полъ. Понесъ онъ на другой день эту драгоцѣнную ногу на экзаменъ. Началось испытаніе: „Укажите мнѣ такой-то нервъ, такой-то мускулъ“ и т. д. Зиневичъ скальпелью указываетъ; наконецъ, по своей близорукости, вмѣсто требуемаго нерва мертвой ноги онъ пырнулъ скальпелью въ здоровую руку профессора; кровь брызнула фонтаномъ, и Вальтеръ наглядно убѣдился въ близорукости испытуемаго.

— Довольно!—сказалъ онъ, задерживая текущую кровь.— Теперь я дѣйствительно вижу, что вы очень близоруки.

И тутъ-же товарищи поздравили Зиневича лѣкаремъ.

До открытія повсемѣстно по всей Россіи женскихъ гимназій и прогимназій, немногіе институты благородныхъ дѣвицъ были единственными заведеніями, удовлетворявшими потребностямъ образованія русской женщины. Въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, кромѣ института и училища графини Левашовой, существовали два частные пансіона: г-жъ Залѣской и Ганфъ, находившіеся подъ наблюденіемъ директора 1-й гимназіи Любимова, который появлялся туда только на торжественные акты. Образованіе, получаемое въ этихъ частныхъ училищахъ, было, какъ извѣстно, весьма жалкое. Содержательницы ихъ взялись за воспитаніе дѣвицъ не по призванію, а изъ цѣлей спекулятивныхъ. Главными предметами въ нихъ считались: французскій яз., музыка и танцы, а главнѣйшимъ—„наука страсти нѣжной, которую воспѣлъ Назонъ“.

Въ началѣ 1854—55 года меня пригласили преподавать русскую словесность дѣвицамъ 3-го высшаго класса въ пансіонъ г-жи Ганфъ. Мои ученицы круглый годъ во время моихъ уроковъ занимались щипаніемъ корпіи, и потому большихъ успѣховъ отъ моего преподаванія трудно было ожидать. Все напоминало тогда о томъ, что тамъ далеко на югѣ льется кровь моихъ соотечественниковъ: по улицамъ безпрерывно двигались нестройныя массы сѣраго люду новобранцевъ, сопровождаемыхъ плачущими женщинами; по дворамъ вездѣ слышались грубые голоса унтеровъ, обучающихъ рекрутъ.

Мнѣ становились невтерпежъ подобныя сцены, и я бросилъ квартиру къ великому огорченію хозяйки-вдовицы и постарался отыскать домъ, гдѣ не было солдатъ. Въ тѣ времена солдатскихъ казармъ не было: войска размѣщались по частнымъ домамъ.

Въ слѣдующемъ учебномъ году меня пригласилъ В. Я. Шульгинъ преподавать русскій языкъ и словесность въ училищѣ гр. Левашовой. Въ это время вездѣсущая княгиня Екатерина Алексѣевна пріискивала между кіевскими педагогами подходящаго преподавателя русской словесности для своей дочери, и вотъ, въ сопровожденіи своего адъютанта Селецкаго и инспектора Института, она неожиданно явилась ко мнѣ на урокъ; но такъ какъ у меня въ ту пору былъ сильнѣйшій насморкъ, какъ извѣстно весьма неблагопріятствующій краснорѣчію, то чтеніе мое Ея Сіятельству не понравилось, и я не удостоился приглашенія на уроки Сіятельной ученицы. Но мнѣ почти въ томъ-же мѣсяцѣ случился не менѣе выгодный урокъ у предсѣдателя Казен. Палаты Кобылина, а у княгини занялъ уроки извѣстный святоша, учитель 1-й гимназіи Богатиновъ, который по своему благочестію болѣе пришелся ко двору, сдѣлавшись въ домѣ княгини почти домашнимъ человѣкомъ.

18 февраля 1855 года по Кіеву пронеслась печальная вѣсть о кончинѣ Государя Николая Павловича... Когда я въ этотъ памятный для Россіи день пришелъ въ обычный часъ на урокъ въ Левашовскій пансіонъ, то засталъ все населеніе его поголовно плачущимъ. Постоявъ нѣсколько минутъ у своего учительскаго стола и не дождавшись конца рыданію своей аудиторіи, я ушелъ въ Софійскій соборъ учинить присягу на вѣрную службу новому Императору, Александру II.

Со вступленіемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ общественной атмосферѣ нашего Отечества почуялось новое вѣяніе духа жизни. Съ арены государственной дѣятельности сошли долго до того царившіе администраторы; суровость Николаевскаго режима съ военной дисциплиной смѣнилась болѣе мягкимъ управленіемъ гражданскаго персонала. Клейминхели, Бибиковы, Дубельты, не

соотвѣтствовавшіе гуманному направленію новаго царствованія, замѣнены другими лицами.

Въ то-же время соединеніе должности Генералъ-Губернатора и попечителя учебнаго округа въ одномъ лицѣ признано несовмѣстимымъ. Попечителемъ назначенъ къ намъ кяхтинскій градоначальникъ, женатый вторымъ бракомъ на дочери знаменитаго декабриста кн. Трубецкаго, Н. Р. Ребиндеръ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность нашъ новый начальникъ отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій Л. И. Кулжинскаго. Въ департаментъ Министер. Народн. Просвѣщ. онъ узналъ, что помимо его вѣдома, министръ Норовъ назначилъ директоромъ Новгородсѣверской гимназіи нѣкоего Ардаліона Каллистратова, вытѣсненнаго за негодностію изъ какого-то другого вѣдомства. Ребиндеръ вломился въ амбицію и заявилъ министру, что если Каллистратовъ останется директоромъ, то онъ выйдетъ въ отставку.

„Ну, давайте намъ своего кандидата,—сказалъ министръ,—и мы его назначимъ вмѣсто Каллистратова“!

Застигнутый врасплохъ, Николай Романовичъ, никого въ округѣ еще не зная, недоумѣвалъ, какъ ему быть, а поставить на своемъ во что бы то ни стало хотѣлось. Кулжинскій, уловивши благопріятную минуту, поспѣшилъ вывести начальника изъ затрудненія, предложивши въ директоры гимназіи себя самого. „Быть по сему!“ порѣшилъ попечитель, и Кулжинскій, прозябавшій 11 лѣтъ въ должности столоначальника канцеляріи попечителя, отправился управлять гимназіей на мѣсто Каллистратова, а сей послѣдній долженъ былъ занять его мѣсто—чиновника особыхъ порученій. Нечего сказать, промѣнялъ попечитель кукушку на ястреба!

Очутившись на посту, не имѣющемъ ничего общаго съ градоначальствомъ Сибирскаго городка, нашъ новый попечитель не могъ сразу оріентироваться и на первыхъ порахъ не зналъ, какъ ему быть. Ревностно, но неумѣло принялся онъ за дѣло: бѣгалъ по гимназіямъ съ французскими учебниками въ карманѣ, задавалъ ученикамъ довольно странные вопросы, на которые тѣ не

знали, что отвѣчать; заставлялъ малышей 2-го и 3-го класса рѣшать ариѳметическія задачи на французскомъ языкѣ или дѣлать переводы съ французскаго на нѣмецкій языкъ и т. п. фокусы.

Ища сближенія съ ученымъ сословіемъ, онъ завелъ у себя вечера исключительно для профессоровъ университета и учителей гимназій. Вечера эти долженствовали носить семейный характеръ. Приглашенные на эти вечера имѣли случай видѣть многострадальнаго старца съ длинною сѣдой бородой, возвращеннаго изъ Сибири послѣ 30-лѣтней каторги. Но, къ сожалѣнію, эти „семейные вечера“ продолжались недолго. Прекратились они какъ-то сами собой за отсутствіемъ гостей, которые перестали посѣщать любезнаго хозяина потому, что почувствовали себя въ положеніи весьма щекотливомъ, такъ что, не смотря на превосходный кяхтинскій чай, они должны были лишить себя удовольствія бывать у г. попечителя. Дѣло въ томъ, что нашъ либеральный начальникъ, подъ предлогомъ сближенія съ педагогическимъ персоналомъ, сталъ у каждаго изъ гостей выпытывать и выѣдывать обо всемъ, что вовсе не относилось къ педагогіи. Значитъ, не смотря на новыя вѣянія и на близкое родство съ декабристомъ, кяхтинское градоначальничество взяло верхъ надъ попечительствомъ, полицейская жилка дала себя почувствовать на посту, который не долженъ-бы имѣть ничего общаго съ полицейскими замашками. Къ прискорбію, не всѣ педагоги оставили попечителя; нашлись и такіе, поддавшись искушенію, въ родѣ выкреста Ѳедорова, ханжи Богатинова и еще нѣкоторыхъ учителей, которые продолжали пить у попечителя чай, „свидѣтельствуя на други своя ложно“. Престижу попечительской власти не мало вредилъ и вывезенный Николаемъ Романовичемъ изъ Сибири Губеръ, смѣнившій всемогущаго въ округѣ А. А. Лазова: опутавъ начальниковъ заведеній ненужными формальностями, онъ еще больше уронилъ достоинство попечительской власти.

Оговорами наушниковъ объясняется неравность обращенія Николая Романовича съ педагогами. Тотъ самый учитель, ко-

тораго онъ еще вчера осыпалъ похвалами, приглашая на интимную бесѣду въ свой кабинетъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего попадалъ подъ опалу. Получивъ доносъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на чистоту, какъ подобаетъ человѣку прямому и правдивому, т. е. пригласить къ себѣ обвиняемаго и потребовать отъ него объясненія, нашъ попечитель прибѣгалъ къ способу, который практикуется агентами тайной полиціи. Около мѣсяца онъ производилъ повальный обыскъ: бѣгая по улицамъ, онъ каждаго встрѣчнаго спрашивалъ; „знаете ли вы такого-то NN? Что онъ за человѣкъ? Что вы за нимъ замѣтили?“ Если случалось ему попасть на человѣка, знающаго опальнаго субъекта съ хорошей стороны, онъ не желалъ съ нимъ долго разговаривать, а искалъ другого, отъ котораго ему хотѣлось непремѣнно услышать что-либо дурное—такого онъ выслушивалъ со вниманіемъ и одобреніемъ. Неизвѣстно, до какой несправедливости въ отношеніи своихъ подчиненныхъ дошелъ-бы въ своей подозрительности нашъ кяхтинскій городничій, если-бы его пребываніе у насъ продлилось долѣе; но онъ не пробылъ въ Кіевѣ и полныхъ двухъ лѣтъ. Осенью 1859 года онъ оставилъ насъ, получивъ другое назначеніе, а въ 1865 году, послѣ смерти жены, изъ любви къ дѣтямъ, принялъ православіе и скоропостижно скончался отъ истощенія силъ, въ званіи сенатора.

Вторая гимназія до 1850 года собственнаго зданія не имѣла и послѣ своего открытія въ 1836 году помѣстилась въ домѣ Гербеля, а потомъ въ д. Киселевскаго (что нынѣ Дегтерева—уголъ Крещатика и Анненковской улицы). Затѣмъ, едва успѣла занять выстроенное собственно для нея зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается 1-я гимназія, какъ приказано-бы ей оттуда убраться опять въ наемное помѣщеніе—домъ бывшій Козлова, гдѣ нынѣ Военный окружный судъ, а въ построенномъ для нея зданіи помѣстился неранжированный кадетскій корпусъ, впредь до окончанія нынѣшняго корпуснаго зданія. Въ 1853-мъ году для 2-й гимназіи начали постройкой другой собственный домъ, уже довольно скромныхъ размѣровъ. Между тѣмъ въ томъ же 53 году неранжированныя роты кадетскаго корпуса водворены

въ собственномъ помѣщеніи, а тутъ случился пожаръ, отъ котораго сгорѣло зданіе 1-ой гимназіи, вслѣдствіе чего она перешла въ оставшееся свободнымъ, послѣ выхода корпуса, вовсе не для нея построенное зданіе; а возобновленное послѣ пожара бывшее зданіе 1-й гимназіи въ Липкахъ поступило въ духовное вѣдомство.

Еще не вполнѣ оконченный домъ для 2-й гимназіи директоръ Гренковъ, ревностный блюститель казенныхъ интересовъ, поспѣшилъ занять. Жертвой такой поспѣшности былъ, во-первыхъ, самъ директоръ, схватившій тифъ; затѣмъ больница общей ученической квартиры переполнилась тифозными воспитанниками, и только благодаря пріѣзду въ Кіевъ министра Норова, поднявшаго весь медицинскій факультетъ, съ Мерингомъ во главѣ,—изъ 30 человѣкъ заболѣвшихъ тифомъ, только одинъ ученикъ умеръ.

Хотя гимназія водворилась въ собственномъ помѣщеніи, но зданіе не было принято дирекціей формально. Главный строитель его, окружной архитекторъ П. И. Шлейферъ, чтобы скрыть нѣкоторые дефекты своего дѣтища, затѣялъ передачу зданія во время болѣзни директора Гренкова; но инспекторъ Монаховъ наотрѣзъ отказался отъ пріема, вслѣдствіе чего мнѣ, тогда еще учителю, предписано было управляющимъ округомъ М. М. Могилянскимъ принять оное на законномъ основаніи, хотя въ такомъ распоряженія законность вовсе отсутствовала. Не желая вооружать противъ себя начальство, я принялъ на себя обязанность, ко мнѣ вовсе не относившуюся. Тому же управляющему округомъ Могилянскому я обязанъ назначеніемъ меня инспекторомъ 9 августа 1858 года.

М. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

# Вторая кіевская гимназія [1])

## Попечительство Н. И. Пирогова.

*1858—1861.*

> Попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ: онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. *Пироговъ.*

Знаменитая статья нашего славнаго хирурга „Вопросы жизни“ выдвинула его на педагогическое поприще, и если онъ своими либеральными взглядами на воспитаніе юношества смутилъ нашихъ рутинныхъ охранителей и вынужденъ былъ прежде времени оставить свой постъ, то это только показываетъ, что наше общество еще не дозрѣло тогда для воспріятія идей геніальнаго мыслителя, опередившаго своихъ современниковъ, и что никакія усилія общественнаго дѣятеля, подобнаго Пирогову, не въ состояніи пробить дубовую кору невѣжества и непотизма: одинъ—въ полѣ не воинъ...

Прибытіе Н. И—ча въ Кіевъ ничѣмъ особеннымъ въ лѣтописяхъ кіевскаго учебнаго округа не ознаменовано. По случаю его пріѣзда не было ни особенныхъ приготовленій къ его встрѣчѣ, ни мундирныхъ представленій новому начальнику. На другой день послѣ пріѣзда онъ представился Генералъ-Губер-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 4.

ватору и болѣе никого не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Спустя мѣсяцъ, правитель канцеляріи Губерн напомнилъ ему, что слѣдовало-бы побывать у митрополита Исидора и, зная хорошо, что для подобныхъ визитовъ Н. И. тяжеленокъ на подъемъ, прибавилъ:

— Сегодня, в. П—во, высокоторжественный день; владыка служитъ въ Софійскомъ соборѣ, а послѣ обѣдни къ нему обыкновенно заходятъ почетнѣйшія лица съ поздравленіемъ, то и Вамъ будетъ кстати зайти къ нему.

Мотнувъ, въ знакъ согласія, головой, Н. И. велѣлъ подать мундиръ, наскоро облачился и на пѣтушкѣ отправился въ Софійскій соборъ.

По окончаніи молебствія, входитъ Попечитель къ Митрополиту, и едва показался въ дверяхъ пріемной, какъ кн. Васильчиковъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, взялъ его подъ руку и подведя къ Преосвященному, отрекомендовалъ: „извѣстный Пироговъ“!

— А—а, вотъ и кстати,—промолвилъ владыка:—у меня и просьба къ Вамъ есть.

— Позвольте узнать, въ чемъ она заключается?

— У Васъ имѣется вакансія цензора, а у меня есть въ виду достойнѣйшій кандидатъ на эту должность—нѣкто Кулжинскій изъ Нѣжина.

Ни слова не отвѣтивъ на рекомендацію митрополита, Пироговъ посмотрѣлъ на потолокъ, потомъ на висящіе по стѣнамъ портреты архіереевъ, сдѣлалъ два шага назадъ, тихонько вышелъ изъ залы, сѣлъ на дрожки и вернулся домой.

Для того чтобы объяснить такое, нѣсколько странное, поведеніе Попечителя, нужно знать, кто такой былъ рекомендуемый кандидатъ. И. Г. Кулжинскій, воспитанникъ Черниговской Семинаріи, пройдя учительскія должности въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, дослужился до директорства въ Немировской гимназіи, затѣмъ, какъ мы уже знаемъ [1]), помѣ-

[1]) См. «Кіевская Старина» за 1885 г. Немировская гимназія.

нявшись мѣстами съ инспекторомъ лицея Зимовскимъ, ушелъ отъ Экеблада въ Тифлисъ и, вышедши по болѣзни въ отставку на всегда поселился въ Нѣжинѣ и занялся на досугѣ писаніемъ разныхъ статеекъ, во вкусѣ редактора „Маякъ“, обскуранта Бурачка и К°. Въ то время черезъ Нѣжинъ проходилъ московскій почтовый трактъ, по которому постоянно проѣзжали разныя именитыя особы—генералы, губернаторы, архіереи. Домишко Ивана Григорьевича находился вблизи почтовой станціи, и ему всегда давали знать о пріѣздѣ каждаго важнаго сановника; онъ тотчасъ облачался въ мундиръ, нацѣплялъ свою аннушку на шею и спѣшилъ представиться. Скучающая отъ утомительной ѣзды на почтовыхъ особа была не прочь поболтать съ униженно-почтительнымъ и неглупымъ старикомъ, пока подадутъ лощадей—и вотъ завязывалось „знакомство на большой дорогѣ“, которое при случаѣ было очень и очень полезно. Познакомившись такимъ-же манеромъ съ митрополитомъ Исидоромъ, Кулжинскій и попалъ подъ его протекцію. Но Пироговъ зналъ Кулжинскаго отлично по сотрудничеству его въ „Маякѣ“ и на просьбу владыки сдѣлать такого гуся цензоромъ не могъ найтись что сказать и безмолвно удалился. Конечно, такъ рѣзко могъ поступить съ его высокопреосвященствомъ только „извѣстный Пироговъ“.

Еще большимъ оригиналомъ выказалъ себя Н. И—чъ во время пріѣзда въ Кіевъ Министра Народнаго Просвѣщенія Ковалевскаго. Недѣли за двѣ до его прибытія, директоръ 1-й гимназіи Деллень и правитель канцеляріи Губеръ совѣтовали Попечителю выѣхать на встрѣчу Министру, если не на границу Округа, то хоть въ Нѣжинъ.

— Это зачѣмъ? отвѣтилъ имъ Пироговъ: въ Нѣжинѣ есть директоръ Лицея и гимназіи—онъ и встрѣтитъ его.

Не смущаясь неудачей, непрошенные совѣтники напомнили Н. И—чу о необходимости приготовить для Министра приличное помѣщеніе на время его пребыванія въ Кіевѣ.

— Это зачѣмъ? возразилъ опять Попечитель: въ городѣ есть весьма хорошая гостинница—тамъ онъ и остановится.

Не смотря, однако-жъ, на такой категорическій отказъ, Деллень, помимо его распоряженія, приготовилъ для Министра квартиру въ зданіи 1-й гимназіи.

Наконецъ утромъ одного дня изъ Нѣжина получена эстафета, что Министръ прибудетъ въ Кіевъ вечеромъ. Пироговъ прочелъ эстафету и нисколько не стѣсняясь, въ 12 часовъ, послѣ доклада, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ ежедневно, отправился верхомъ на дачу, за пять верстъ отъ города по житомірскому шоссе, и вернулся оттуда только на другой день утромъ. Но съ представленіемъ къ Министру не спѣшилъ, а тотъ, не дождавшись его, первымъ рѣшился нанести ему визитъ. Входитъ Министръ въ переднюю—тамъ, по обыкновенію, никого не было; въ залу—тоже никого нѣтъ; дверь въ кабинетъ полуотворена—онъ туда—и застаетъ хозяина за бритьемъ. Увидавъ Министра въ зеркалѣ, Н. И. кивнулъ ему головой и, не оборачиваясь, продолжаетъ свое бритье. Министръ, дождавшись конца операціи, любезно поздоровался съ хозяиномъ, который, надѣвши вицмундиръ, повелъ его по гимназіямъ на экзамены по группамъ.

Опять таки не слѣдуетъ забывать, что такъ поступить съ Министромъ могъ только „извѣстный Пироговъ".

Намъ, людямъ, Николаевскихъ временъ, воспитаннымъ въ правилахъ строжайшаго чинопочитанія и мундирныхъ представленій начальству, показалась непривычной необыкновенная простота обращенія Н. И—ча съ подчиненными. Кто-бы ни пришелъ къ нему—директоръ-ли гимназіи, профессоръ, учитель или студентъ, онъ былъ неизмѣнно одинаковъ. Въ пріемную къ нему входили безъ доклада: войдешь, бывало, въ переднюю—никого нѣтъ, въ кабинетъ дверь всегда полуоткрыта—тамъ за письменнымъ столомъ сидитъ попечитель и пишетъ. Не дожидаясь приглашенія, войдешь въ кабинетъ, садишься у стола и ждешь минуту-другую, не прерывая нити излагаемыхъ имъ на бумагу мыслей. Окончивъ періодъ, Н. И. кладетъ перо, откидывается на спинку кресла, и посмотрѣвъ на пришедшаго, спроситъ: „ну, что скажете?

Скажешь, зачѣмъ пришелъ, услышишь нѣсколько словъ, не требующихъ разъясненій и, видя, что онъ берется за перо, встаешь и уходишь. При этомъ Н. И. не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, какъ одѣтъ посѣтитель, въ мундирѣ-ли онъ, или въ простомъ сюртукѣ—для него безразлично. Самъ онъ посѣщалъ гимназіи всегда въ своемъ неизмѣнномъ драповомъ пальто, такъ что едва-ли кому-нибудь изъ учителей пришлось видѣть его хоть разъ, не говорю—въ мундирѣ, но даже въ вицмундирѣ.

Пироговъ терпѣть не могъ никакой торжественности, мишурнаго блеска, выставки. Наши, такъ называемые, торжественные акты, гдѣ обыкновенно публикѣ показывался товаръ лицомъ, при попечительствѣ Пирогова перестали существовать. Всякому, кто удостаивался получить пригласительный билетъ на актъ, памятны эти театральныя представленія, эта выставка произведеній отечественной педагогіи, но не всякій изъ посѣтителей, я думаю, зналъ, чего стоили актерамъ этой комедіи репетиціи, т. е. приготовленія къ акту. Выбирались пьесы, выбирались и ученики, назначались сочиненія для прочтенія предъ публикой, иногда за цѣлый мѣсяцъ до акта, въ самую, что называется, страдную пору—во время годичныхъ экзаменовъ. И вотъ назначается генеральная репетиція. Г. директоръ садится за столъ въ торжественномъ залѣ, представляя изъ себя почтеннѣйшую публику. Вводятъ актеровъ, остриженныхъ подъ гребенку и затянутыхъ въ мундиры, съ твердыми, какъ лубъ, воротниками, упирающимися въ подбородокъ. Сперва учатъ, какъ мальчикъ долженъ выходить на середину зала, какъ долженъ кланяться, дѣлать ножкой—это самое главное. Если такого предварительнаго испытанія мальчикъ не выдерживалъ, его не допускали до произнесенія затверженныхъ стиховъ и прогоняли изъ залы съ насмѣшками, хотя-бы онъ былъ первѣйшій декламаторъ. Всѣ эти ненужности при Пироговѣ сдѣлались преданіемъ; мундиры наши были спрятаны и попорчены молью.

Такое пренебреженіе къ мундирной внѣшности и парадной выставкѣ возбуждало сильное негодованіе охранителей старыхъ

порядковъ, и они поставили ему въ счетъ будущихъ инсинуацій, дискредитировавшихъ въ глазахъ правительства реформаторскую дѣятельность Н. И—ча.

---

Задумавъ произвесть въ заведеніяхъ ввѣреннаго ему Округа реформу, первый годъ своего попечительства Пироговъ посвятилъ ознакомленію съ существовавшими въ нихъ порядками, какъ въ отношеніи преподаванія предметовъ, такъ и въ отношеніи дисциплины. Особеннымъ вниманіемъ Попечителя при посѣщеніи гимназій пользовался латинскій языкъ и законъ Божій. Придавая изученію древнихъ языковъ весьма важное значеніе, какъ предмету, наравнѣ съ математикой, развивающему способности учащагося, онъ старался улучшить пріемы преподаванія его въ гимназіяхъ. У нашего классика былъ такой пріемъ: вызвавъ ученика на средину класса, онъ занимался исключительно имъ однимъ, оставляя безъ вниманія весь классъ, при чемъ, наводя его на уразумѣніе смысла переводимаго отрывка, онъ не всегда вѣрно могъ оцѣнить степень его знанія, давая ему возможность скрыть свое невѣжество. Н. И—чъ старался отучить преподавателей отъ такихъ застарѣлыхъ привычекъ, настаивая на томъ, чтобы вниманіе *всего* класса не прерывалось ни на минуту въ продолженіе урока, чтобы учитель поддерживалъ это вниманіе, задавая имъ какъ можно чаще бѣглые вопросы и заставляя ихъ повторять дѣлаемыя объясненія правилъ. Самъ попечитель, для примѣра преподавателю, дѣлалъ это очень ловко. Разъ, помнится мнѣ, онъ засталъ на латинскомъ урокѣ ученика подлѣ каѳедры, переводившаго отрывокъ изъ Цицерона De officiis. Н. И. по обыкновенію сѣлъ на первой скамьѣ и сталъ слушать. Учитель, стоя подлѣ ученика, постоянно поправлялъ его и наводилъ; попечитель нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчаніе не мѣшать отвѣчающему, предоставивъ ему самому добиваться смысла, но учитель не унимался. Все это не могло остаться безъ вниманія на служебную карьеру почтеннаго классика. Какъ только исполнилось 30 лѣтъ его службы, Пироговъ отказалъ ему въ просимомъ пятилѣтіи.

— Довольно съ васъ, сказалъ онъ ему: ваши лѣта требуютъ отдыха. Нужно дать мѣсто молодымъ.

Законъ Божій, въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса, поставленъ въ положеніе исключительное: въ то время, когда всѣ другіе предметы служатъ къ обогащевію знаніями и къ развитію умственныхъ способностей учащихся, законъ Божій преимущественно долженъ вліять на нравственную сторону, дѣйствуя на сердце, направляя волю къ добру. Между тѣмъ Пироговъ, объѣхавъ половину округа и побывавъ на урокахъ законоучителей, вынесъ самое невыгодное мнѣніе о ихъ преподаваніи: у нихъ законъ Божій, даже болѣе чѣмъ нѣкоторые другіе предметы сдѣлался достояніемъ одной памяти, одного механическаго заучиванья текстовъ, часто безъ пониманія ихъ смысла. Н. И. конечно не скрывалъ своего недовольства и иногда высказывалъ его публично. Отцы вломились въ амбицію и изъ-подъ руки стали взводить на Пирогова обвиненіе въ индифферентизмѣ къ религіи вообще, что̀-де весьма вредно вліяетъ на учащихся, что онъ, порицая законоучителей за небрежное отношеніе къ ихъ обязанностямъ, унижаетъ достоинство самого закона Божія. Предсмертная исповѣдь нашего великаго хирурга да послужитъ имъ уликой въ такомъ недобросовѣстномъ обвиненіи.

Что касается преподаванія закона Божія во 2-й гимназіи, то у насъ, по выходѣ въ отставку о. Ѳедора, [1]) былъ выдающійся законоучитель, покойный Петръ Г вриловичъ Лебединцевъ, впослѣдствіи каѳедральный протоіерей Софійскаго собора, который, повидимому, удовлетворилъ требованіямъ Пирогова. Помнится, Н. И. былъ у него на урокѣ въ IV классѣ. Прекративъ спрашиваніе заданнаго, о. Петръ началъ объяснять новый урокъ. Это была настоящая лекція, продолжавшаяся почти до звонка. Окончивъ чтеніе, онъ потребовалъ отъ одного ученика повторить свои объясненія. Понятно, что тотъ не могъ этого сдѣлать.

— Не можете? Я отъ васъ этого и не требую. Если только вы сказанное мной усвоили сердцемъ, то для меня этого довольно.

---

[1]) Мысловскаго.

Задумавъ реформу существовавшихъ въ гимназіи правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ воспитанниковъ, Н. И. при посѣщеніи гимназіи просматривалъ съ большимъ вниманіемъ штрафной журналъ за нѣсколько лѣтъ и нашелъ въ немъ довольно несообразностей относительно несоотвѣтствія наказаній съ проступками. Затѣмъ потребовалъ вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ. Способъ опредѣлять разныя степени знанія посредствомъ пятибальныхъ отмѣтокъ, существующій и нынѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, не удовлетворялъ требованіямъ Пирогова: онъ считалъ его нераціональнымъ и даже вреднымъ.

Высказанный имъ при этомъ взглядъ подробнѣе формулированъ въ статьѣ „Школа и Жизнь".

„При отвѣтахъ испытуемаго, говорится тамъ, слѣдуетъ опредѣлять не *maximum*, а извѣстное *minimum* свѣдѣній. Maximum свѣдѣній—безпредѣльно и безконечно. Какъ ни разнообразьте вы ваши отмѣтки, какъ ни распредѣляйте число балловъ, вы никогда не обозначите всѣхъ степеней свѣдѣній. Вы никогда ни отъ кого не получите отчетливаго отвѣта на общій вопросъ: какъ велики свѣдѣнія такого-то въ той или другой наукѣ? Но поставьте вопросъ точнѣе и спросите: имѣетъ-ли такой-то достаточно знаній, чтобы достигнуть той или другой цѣли въ какой-либо наукѣ? И вамъ можно будетъ отвѣчать положительно: *да* или *нѣтъ*. И только эти два слова должны быть отвѣтомъ экзаменатора на опредѣленіе вопроса о minimum свѣдѣній для перевода ученика въ высшій классъ".

На основаніи такого правила, принявъ кромѣ того во вниманіе потерю времени на продолжительность испытаній, годичные экзамены при Пироговѣ производились одновременно по всѣмъ предметамъ и въ каждомъ классѣ оканчивались въ одинъ день, значитъ, продолжались въ семи классахъ вмѣсто пяти недѣль всего 7 дней.

Дѣлалось это такимъ образомъ.

Ученики даннаго класса, по количеству преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, дѣлились на группы. Въ залѣ ставилось

столько столовъ, сколько было группъ, а за каждымъ столомъ возсѣдали преподаватель и ассистентъ. Когда инспекторъ оканчивалъ подобное размѣщеніе, по данному имъ знаку всѣ преподаватели одновременно начинали экзаменовать. Въ залѣ начиналось вавилонское смѣшеніе языковъ. Группы кругообразно переходили отъ одного стола къ другому, и впродолженіе какихъ-нибудь пяти-шести часовъ испытаніе по всѣмъ предметамъ оканчивалось. Разумѣется, что при оцѣнкѣ познаній ученика экзаменаторы руководились главнымъ образомъ годичными отмѣтками, которыхъ полагалось только двѣ: 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно—*да* или *нѣтъ*. Отличнѣйшіе по успѣхамъ ученики, по усмотрѣнію комитета, освобождались отъ экзамена. Директору и инспектору при экзаменахъ предоставлялся контроль; они подходили то къ одному, то къ другому столу, слѣдя за порядкомъ испытаній.

Извѣстно, что большинство нашихъ воспитанниковъ, не только среднихъ, но и высшихъ учебныхъ заведеній, учится ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а наши педагоги еще болѣе способствовали гоньбѣ учениковъ за пятерками. Такъ напр., учитель математики Байеръ, восхищенный бойкимъ отвѣтомъ воспитанника, вынетъ изъ кармана свой „списочекъ“ и велитъ ему „по этой самой причинѣ“ собственноручно поставить отмѣтку 5 съ двумя крестами. Отмѣна пятибальной системы главнымъ образомъ должна была способствовать къ искорененію этого зла.

Но еще большій вредъ приносило и приноситъ умственному развитію учащихся механическое заучиваніе задаваемыхъ уроковъ, зубреніе учебниковъ, обогащающее одну лишь память ко вреду другихъ способностей. Противъ этого вѣками вкоренившагося способа ученія Пироговъ не переставалъ проповѣдывать какъ между преподавателями, такъ и между учениками, настаивая на необходимости *самостоятельнаго* труда. Съ этою цѣлію и были заведены *литературныя бесѣды*. Упражненія въ литературныхъ занятіяхъ по всѣмъ преподаваемымъ въ гимназіи наукамъ должно было служить цѣлію этихъ бесѣдъ. Всякое

проявленіе самостоятельнаго труда участника въ литературныхъ бесѣдахъ должно быть дорого для руководителей бесѣды, возбуждая въ нихъ надежду, что университетъ получитъ ученика, уже хорошо ознакомившагося съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ университетскимъ занятіямъ и уяснившаго себѣ цѣль и значеніе умнаго ученія. При этомъ наставникамъ было предложено указать учащимся на такіе предметы, которые-бы имъ были по силамъ.

На эти бесѣды разъ въ недѣлю собирались ученики VI и VII кл. обѣихъ гимназій. Ученикъ 1-й гимназіи приносилъ сочиненіе, а ученикъ 2-й гимназіи къ слѣдующему собранію писалъ на это сочиненіе критику, и тутъ между ними происходилъ диспутъ, который тутъ-же и записывался скорописцами. На критику иногда писалась антикритика и т. д.

Бесѣды происходили въ залѣ 1-й гимназіи, въ присутствіи гимназическаго начальства и преподавателей, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Вмѣшиваться въ диспутъ двухъ соперниковъ никому не дозволялось. Только въ крайнемъ случаѣ, когда споръ заходилъ слишкомъ далеко и диспутанты не знали сами, какъ имъ выпутаться изъ сѣтей, въ которыхъ они сами себя запутали—ихъ останавливалъ Н. И. и наводилъ на настоящую дорогу.

На первыя бесѣды, сколько я помню, были представлены сочиненія: воспитанниками 1-й гимназіи Овсѣенкомъ, Забугинымъ и Лашкевичемъ, 2-й гимназіи—Дикимъ, Цвѣтковскимъ и Бутовичемъ. Сочиненія этихъ учениковъ, согласно правиламъ, были написаны по совѣщаніи съ преподавателями, но авторы слѣдовавшихъ за ними сочиненій перестали согласоваться съ установленными попечителемъ правилами. Выборъ темъ сталъ своевольнъ и безразличенъ: такъ, воспитанникъ 2-й гимназіи Н—нъ дерзнулъ преподнести почтенному собранію теорію Духинскаго, доказывая, что русскіе—не славяне, а туранцы, истинные-же славяне поляки, которымъ и подобаетъ господствовать надъ всѣми прочими славянскими народностями, для чего

необходимо возвратить Польшѣ ея прежнее могущество, расширивъ ее до границъ 1772 года. Замѣчательно, что подъ давленіемъ начинавшагося тогда польскаго террора, ни въ 1-ой, ни во 2-ой гимназіи не нашлось ни одного критика на это сочиненіе: въ то время начались уже революціонныя манифестаціи въ Варшавѣ, а вслѣдъ за Варшавой повторились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юго-Западнаго края безпрепятственно.

Ученикъ 2-й гимназіи Шульцъ прочелъ сочиненіе о куреніи табака, причемъ, не стѣсняясь, порицалъ тутъ-же сидѣвшее начальство, которое не стыдилось взыскивать за такіе пустяки.

Въ силу ложно понятаго значенія самостоятельнаго труда, воспитанники высшихъ классовъ, пренебрегая сухими учебниками, „съ ученымъ видомъ знатока“ стали штудировать серьезныя сочиненія, не вполнѣ доступныя ихъ пониманію, такъ напр. по словесности—Шерра, по исторіи—Бокля и т. п., и если учитель математики спроситъ урокъ у кого-нибудь изъ этихъ самостоятельныхъ ученыхъ, то ему отвѣтятъ: „я спеціально занимаюсь словесностью или исторіей“.

Не смотря, однако-жъ, на такія, вовсе нежелательныя явленія, нельзя сказать, чтобы литературныя бесѣды совершено не достигали своей цѣли. По словамъ самого учредителя ихъ, „многіе изъ участвовавшихъ въ бесѣдахъ доказали явное научное стремленіе и любовь къ занятіямъ и дарованіе“. Н. И. не терялъ надежды улучшить это въ высокой степени полезное учрежденіе, которое послужитъ средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности учащихся. Но этотъ самостоятельный трудъ никому сразу не дается; въ немъ нужно испробовать свои силы съ чрезвычайной постепенностью.

Для лицъ, желающихъ получить должность учителя по избранному предмету, установлены были, такъ называемые, *конкурсы*, состоявшіе въ слѣдующемъ:

Въ одной изъ гимназій конкуренту назначался пробный урокъ. Для того чтобы не прерывать хода преподованія, урокъ

этотъ обыкновенно служилъ продолженіемъ того, на чемъ остановился преподаватель. Конкурсному уроку предшествовалъ краткій colloquium, долженствовавшій обнаружить въ будущемъ учителѣ степень его знакомства съ избраннымъ имъ предметомъ. Затѣмъ пробный урокъ происходилъ въ присутствіи попечителя, или чаще всего его помощника—І. Г. Михневича, директора и въ рѣдкихъ случаяхъ профессора педагогіи. На этомъ урокѣ конкурентъ обязанъ былъ выказать умѣнье обращаться съ классомъ и обнаруживать болѣе или менѣе искусные пріемы въ преподаваніи. Покончивъ всю эту процедуру, члены комитета совѣщались между собой и составляли протоколъ о замѣченныхъ ими достоинствахъ и недостаткахъ конкурента, рѣшавшій его участь.

По закрытіи въ 1858 г. института казеннокоштныхъ студентовъ, доставлявшаго гимназіямъ Кіевскаго учебнаго округа потребный контингентъ преподавателей, учреждены были, по мысли Пирогова, *Педагогическіе курсы*, которые, однако-жъ, ни въ какомъ отношеніи не замѣнили прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому званію. Такъ называемыхъ кандидатовъ-педагоговъ бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а руководителей-профессоровъ и учителей по разнымъ предметамъ гимназическаго курса, получавшихъ солидное вознагражденіе за чисто фиктивные труды, человѣкъ 15—20; да и тѣ немногіе кандидаты, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя, уходя въ другія вѣдомства, безъ возврата затраченныхъ на нихъ денегъ. Такое-же фіаско потерпѣли педагогическіе курсы и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ дневникъ проф. Никитенка.

Концу 50-хъ годовъ нашего столѣтія суждено было, по иниціативѣ Пирогова, разрѣшить великіе „вопросы жизни“ возрожденнаго послѣ долгаго сна общества. Сколько было въ эти годы высказано въ нашей литературѣ благородныхъ убѣжденій! Какая широта взглядовъ на народное образованіе! Какая обширная программа для дѣятельности нашихъ педагоговъ! Всякій спѣшитъ придумать что-нибудь новое, заявить о своей про-

грессивныхъ стремленіяхъ, побранить рутину. Это памятное для насъ время по преимуществу можетъ быть названо эпохой проектовъ, мнѣній, начинаній, улучшеній [1]). И всю эту новую теорію воспитанія выпало на долю нашимъ педагогамъ прилагать къ дѣлу. Авторы разныхъ прожектовъ большею частію заботились о томъ, чтобы у нихъ красиво и гладко выходило на бумагѣ, не думая о томъ, насколько примѣнимы къ условіямъ русской жизни ихъ воззрѣнія. Какъ ни глубокомысленны были ихъ теоретическія соображенія, но они не могли иначе войти въ жизнь, какъ путемъ долговременнаго опыта; кромѣ того, для этого требовались энергическіе, чуждые утопій и увлеченій практики, которые съумѣли-бы осуществить задуманныя реформы, не насилуя дѣйствительности, а приноравливаясь къ потребностямъ общества, чтобы задуманное было такъ-же хорошо на дѣлѣ, какъ оно у нихъ выходитъ на бумагѣ, а не казалось бы только такимъ.

Преподавателямъ средне-учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа до попечительства Пирогова, при всемъ ихъ желаніи участвовать въ обсужденіи разныхъ педагогическихъ вопросовъ, за отсутствіемъ ученаго органа, не было возможности высказаться. Циркуляръ по Управленію Округомъ служилъ лишь оффиціальнымъ органомъ попечительской канцеляріи и заключалъ въ себѣ свѣдѣнія о производствахъ въ чины, о перемѣщеніяхъ, назначеніяхъ и наградахъ служащихъ; при Пироговѣ-же этотъ циркуляръ сдѣлался журналомъ педагогическимъ. Въ неоффиціальномъ отдѣлѣ его стали помѣщаться мнѣнія учителей гимназіи о преподаваніи предметовъ гимназическаго курса. Мѣра въ высокой степени полезная; ибо, какъ говорятъ французы, du choc des opinions éclaire la verité.

Редакція педагогическаго отдѣла была возложена на помощника попечителя І. Г. Михневича.

---

[1]) По своеобразному мнѣнію уч. Богатинова (Р. Архивъ 99 г.) это была пора, когда все подвинулось къ чему-то, оторвалось отъ стараго порядка, понеслось безтолково, кувыркаясь, плюя на прошлое. Въ землѣ Русской начинался хаосъ...

Къ сожалѣнію, между нашими педагогами нашлись господа, которые посредствомъ этихъ мнѣній задумали сдѣлать себѣ карьеру—проложить путь къ повышенію по службѣ. Пользуясь довѣрчивостью попечителя, который не всегда могъ провѣрить на дѣлѣ излагаемый ими способъ преподаванія, объ успѣшности коего они разглагольствовали на бумагѣ, эти проныры стали лгать безсовѣстнымъ образомъ. Таковы, напр., мнѣнія о преподаваніи русскаго языка Мануйловича—лѣнивѣйшаго изъ преподавателей Новгородъ-Сѣверской гимназіи—и учителя Каменецъ-Подольской—Рѣдчица, [1]) пожалованнаго за мнѣніе въ инспекторы. Хорошъ былъ въ этомъ отношеніи и Бѣлоцерковскій словесникъ. Нужно было знать этихъ людей, какими они были на дѣлѣ, чтобы отнестись съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ ихъ пышнымъ фразамъ, а между тѣмъ ихъ „мнѣнія“ стали образцомъ для руководства многихъ скромныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которымъ попечитель при случаѣ не переставалъ рекомендовать ихъ.

Учитель Русскаго и Славянскаго языка 2-й гимназіи Омельяненко, едва вступилъ въ должность послѣ отставки Березницкаго, не искушенный опытомъ, не овладѣвъ вполнѣ своимъ предметомъ, также помѣстилъ въ Циркулярѣ мнѣніе о преподаваніи да не одного русскаго языка, но и словесности, которой ему не довелось преподавать вовсе. Не соглашаясь съ его мнѣніемъ, я не могъ оставить его безъ возраженія, самъ преподавая русскій языкъ и словесность впродолженіе 13 лѣтъ.

---

Важнѣйшею реформой Н. И. Пирогова, навлекшею на него наиболѣе нареканій со стороны охранителей старыхъ порядковъ, было, безъ сомнѣнія, введеніе „*Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ*“. Руководящимъ мотивомъ этого ново-

[1]) Этотъ педагогъ, не совѣстясь, между прочимъ написалъ, что ученики до того увлекаются его преподаваніемъ, что «когда досадный звонокъ» возвѣститъ объ окончаніи урока, то они горько плачутъ.

Библиотека "Руниверс"

введенія была завѣтная мысль Н. И—ча уничтожить произволъ и самодурство начальниковъ средне-учебныхъ заведеній. Приглядѣвшись къ существовавшимъ взысканіямъ, онъ нашелъ, что не только въ разныхъ дирекціяхъ существуютъ различныя наказанія за одинъ и тотъ-же проступокъ, но одно и то-же наказаніе употребляется съ разною цѣлію. Объединеніе такихъ дѣйствій было необходимо.

Не смотря, однако-жъ, на полнѣйшее отсутствіе твердыхъ началъ въ системѣ нашего воспитанія, въ педагогической практикѣ дореформеннаго періода не переставалъ существовать извѣстный кодексъ правилъ и инструкцій для руководства педагоговъ. Всѣ эти инструкціи главнымъ образомъ направлены были къ тому, чтобы индивидуальныя свойства учащихся подвести подъ одинъ общій уровень, чтобы это безконечное разнообразіе темпераментовъ, наклонностей, особенностей ума и воли обобщить, нивелировать, привесть, такъ сказать, къ одному знаменателю. Такое *гуртовое* воспитаніе, конечно, весьма облегчало тяжелый трудъ педагоговъ-воспитателей при ихъ, по большей части, формальномъ отношеніи къ дѣлу, избавляя ихъ отъ обязанности *индивидуализировать* дѣтей, безъ чего наше общественное воспитаніе лишено было жизненности, цѣлесообразности и обращалось въ какую-то однообразную, уродливую схоластическую команду, какъ будто мы имѣли дѣло не съ разумными существами, а съ машинами. Невозможность вникать въ натуру каждаго воспитанника въ многолюдныхъ гимназіяхъ нарушило и тѣ сердечныя патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитанникамъ, которыя составляютъ отличительную черту домашняго воспитанія—родительскаго. Патріархальныя отношенія, особенно въ нашихъ Юго-Западныхъ гимназіяхъ, не мыслимы, да и вообще они сдѣлались миѳомъ. Въ нашихъ заведеніяхъ господствуетъ другое начало—*административное*; изъ этого начала Н. И—чъ старался извлечь все, что есть въ немъ хорошаго, а хорошее въ этомъ началѣ онъ находилъ то, что оно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ содѣйствовать къ развитію въ дѣтяхъ чувства *законности*. Главнымъ-же средствомъ

къ развитію этого чувства онъ считалъ составленіе точныхъ, положительныхъ и одинаковыхъ для всѣхъ дирекцій правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ.

Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи... Многочисленный сводъ законовъ, долженствовавшій ограждать личность каждаго гражданина отъ насилій и произвола, лежалъ въ бездѣйствіи, какъ въ раззолоченныхъ шкафахъ разныхъ департаментовъ, такъ и въ грязныхъ вмѣстилищахъ уѣздныхъ судовъ и полицій, хотя нашъ многострадальный народъ, терпя беззаконіе, не переставалъ питать уваженіе къ закону, повторяя свое изреченіе: „Законы святы, да исполнители—лихіе супостаты".

Только съ вознесеніемъ на престолъ Царя-Освободителя, въ зараженной рабствомъ атмосферѣ почуялось новое дыханіе жизни; народъ сталъ ждать облегченія своей участи, и никогда это ожиданіе не было такъ увѣренно, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ, съ которыми знаменательно совпали немногіе годы попечительства Пирогова, избавившаго дѣтей отъ произвола воспитателей введеніемъ въ гимназіяхъ кодекса правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, до введенія коихъ наша учащаяся молодежь находилась въ крѣпостномъ состояніи у своихъ воспитателей: повсюду были страшныя истязанія дѣтей—въ училищахъ духовныхъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ среднихъ и низшихъ, какъ гражданскаго, такъ и военнаго вѣдомства...

Упраздненіе розги въ Кіевскомъ учебномъ Округѣ аналогично съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія: какъ состояніе душевладѣльцевъ въ лицѣ своихъ представителей—Муравьевыхъ, Закревскихъ и Панинныхъ пророчило бунты, рѣзню и революцію, такъ и наши доморощенные педагоги съ уничтоженіемъ розги предсказывали совершенную деморализацію воспитанниковъ, утверждая, что только розгой и держится дисциплина въ заведеніяхъ; но какъ тѣ, такъ и другіе жестоко ошиблись въ своихъ пророчествахъ.

Задумавъ благодѣтельную реформу во внутреннемъ строѣ гимназій Кіевскаго учебнаго Округа, Н. И—чъ предварительно

затребовалъ отъ директоровъ статистическія свѣдѣнія о числѣ тѣлесныхъ наказаній за 1858 годъ. Что-бы это значило?—недоумѣвали директора и безсовѣстно стали лгать, уменьшивъ количество высѣченныхъ воспитанниковъ до минимума. Только болѣе храбрые и недогадливые дали свѣдѣнія, согласныя съ дѣйствительностію. Жаль, что попечитель потребовалъ свѣдѣнія за годъ своего управленія Округомъ, когда, подъ вліяніемъ гуманныхъ взглядовъ его, наказанія розгами значительно уменьшились; если-бы онъ пожелалъ имѣть свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ до своего прибытія, то увидалъ-бы не то: одни субботки Николая Михайловича Гренкова доставили-бы ужасающую цифру избіенныхъ младенцевъ, которая превзошла-бы сообщенную волынскимъ директоромъ Китченкомъ (280 человѣкъ) за 1858-й годъ.

Запасшись матеріалами, Пироговъ составилъ комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Членами комитета были: помощникъ его, Михневичъ, два директора, два инспектора кіевскихъ гимназій, инспектора казенныхъ училищъ, профессоры университета: исторіи—Шульгинъ и педагогики—Гогоцкій, и два учителя. Засѣданія комитета длились болѣе трехъ недѣль. Съ перваго же засѣданія не трудно было замѣтить, что нашъ предсѣдатель склоняется къ безусловному упраздненію розги. Оппонировали ему больше всѣхъ оба директора: Гренковъ и Делленъ (профессоръ!); послѣдній написалъ цѣлую апологію розгѣ, состоявшую изъ 40 пунктовъ, въ доказательство ея необходимости въ гимназіяхъ, ссылаясь между прочимъ на примѣръ Англіи. На это Н. И. возразилъ ему: „тамъ, гдѣ чувство законности глубоко вкоренилось и проникло всѣ слои общества, тамъ самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны; а тамъ (какъ у насъ), гдѣ нужно сначала распространить это чувство, розга не годится. Но у насъ еще нельзя вывести розгу вовсе изъ употребленія: пока дѣтей сѣкутъ дома, трудно придумать что-нибудь другое для наказанія. А если при существующихъ узаконеніяхъ, вывести ее комитетъ не въ правѣ, то слѣдуетъ употреблять этого рода наказаніе съ крайнею осторожностію“.

Когда наконецъ послѣ продолжительныхъ дебатовъ, порѣшили допустить розгу только по опредѣленію педагогическаго совѣта большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, то ярый защитникъ тѣлесныхъ наказаній Николай Михайловичъ Гренковъ, скорчивъ пресмѣшную мину, обратился къ предсѣдателю съ просьбой;

— В. П—во! позвольте директору безъ опредѣленія педагогическаго совѣта, иногда хоть маленькихъ посѣчь немножко!

Извѣстный журнальный критикъ Добролюбовъ, съ такимъ восторгомъ привѣтствовавшій появленіе знаменитой статьи Пирогова „Вопросы жизни“, предалъ Н. И—ча гласному осужденію за сохраненіе розги въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго ему Округа; но едва ли онъ былъ правъ, потому что и то, что успѣлъ сдѣлать предсѣдатель Комитета для облегченія участи дѣтей, при существовавшихъ тогда жестокихъ истязаніяхъ и въ семьѣ, и въ школѣ, было великимъ для нихъ благодѣяніемъ; при томъ же вопросъ о томъ, быть или не быть розгѣ въ училищахъ, рѣшенъ условно не имъ самимъ, а по большинству голосовъ, коллегіально. Ограничивъ произволъ директоровъ педагогическимъ совѣтомъ, онъ уже тѣмъ самимъ сдѣлалъ розгу наказніемъ исключительнымъ.

Предписавъ дирекціямъ ввести въ употребленіе составленныя комитетомъ „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ“, Пироговъ предложилъ воспитателямъ слѣдить за примѣненіемъ ихъ на дѣлѣ и докладывать ему о неудобствахъ и недостаткахъ.

„Прошу всѣхъ и каждаго воспитателя, по введеніи въ дѣйствіе „Правилъ“, сообщать мнѣ замѣченные недостатки и указать придуманныя каждымъ изъ нихъ исправленія“.

Значитъ, Пироговъ не считалъ введенныхъ въ гимназіяхъ „Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ“ совершенствомъ, такъ какъ на опытѣ могли обнаружиться проступки, непредусмотрѣнные комитетомъ, упадокъ же дисциплины въ заведеніяхъ не основательно приписывать введенію этихъ правилъ, какъ думаетъ ненавистникъ нововведеній Богатиновъ.[1]) Самъ же онъ сознается,

[1]) См. Русскій Архивъ 1899 годъ № 8-й.

что дисциплина (относительно 1-й гимназіи) упала отъ другихъ причинъ.

„Директоръ Деллень, прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ (такіе люди всегда бываютъ плохими администраторами) былъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ нѣженъ, чтобы поддержать авторитетъ власти; а инспекторъ Дабижа, также прекраснѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, былъ слишкомъ высокъ по своему княжескому положенію, слишкомъ аристократъ, чтобы унижаться до мелочей школьной обыденности и заниматься самоотверженно. Но онъ скоро получилъ другое назначеніе. На мѣсто его Пироговъ выписалъ изъ Чернигова Андріашева: получивъ его правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, онъ увѣлъ въ немъ призваннаго педагога, но при немъ дисциплина окончательно упала. Нельзя было узнать первой, образцовой по порядку, гимназіи".

Какъ-бы въ подтвержденіе того, что сказано здѣсь о несостоятельности инспекціи въ 1-й гимназіи, воспитанники пансіона, помѣщавшагося надъ попечительской квартирой (гдѣ теперь канцелярія), учинили крупный дебошъ, взволновавшій попечителя и ускорившій перемѣщеніе Дабижи въ Одесскій округъ.

Въ одно изъ засѣданій комитета, когда всѣ члены были уже въ сборѣ, входитъ предсѣдатель и спрашиваетъ: „Дабижа здѣсь?" Нѣтъ, еще не пришелъ, былъ отвѣтъ. Не садясь за столъ, Н. И. мрачный и взволнованный, какимъ никто его изъ насъ до того не видалъ, сталъ ходить насупившись по залѣ, а мы всѣ стояли у стола. Входитъ Дабижа.

— Что у васъ тамъ въ пансіонѣ случилось?—обратился къ нему попечитель.

— Ничего особеннаго, в. п—во.

— Какъ ничего?

— По крайней мѣрѣ въ поданномъ мнѣ дежурнымъ воспитателемъ рапортѣ ничего не было доложено.

— Вамъ нужны рапорты? Вы сами не можете зайти въ пансіонъ? Вамъ нужны доклады? Вы обязаны знать первымъ, что дѣлается въ пансіонѣ!

Согласно вышесказанному распоряженію попечителя, по введеніи правилъ, мною замѣчены и доложены слѣдующія неудобства:

1) Наказаніе за незнаніе урока розгами, по Пироговскому кодексу, замѣнилось арестомъ съ обязательной работой; но въ практическомъ примѣненіи этого правила наказаніе падало не на лѣнтяя ученика, а на инспектора, который долженъ былъ сидѣть подъ арестомъ вмѣстѣ съ учениками, пока они не вызубрятъ свой урокъ. Вслѣдствіе моего заявленія о непримѣнимости этого правила въ заведеніи съ 700 воспитанниковъ, гдѣ ежедневно по разнымъ предметамъ оставлялись подъ арестомъ около 30 человѣкъ, Попечитель самолично захотѣлъ провѣрить справедливость его заявленія. Пришелъ онъ въ гимназію около 2-хъ часовъ и, отпустивъ меня обѣдать, просидѣлъ съ арестованными до 7 часовъ вечера. Убѣдившись такимъ образомъ на дѣлѣ о неудобствахъ § Правилъ объ арестѣ съ обязательной работой, разрѣшилъ, по моему представленію, пригласить трехъ студентовъ, которые за обѣдъ въ общей квартирѣ и по 10 руб. въ мѣсяцъ обязались сидѣть съ учениками до вечера и выслушивать ихъ уроки.

2) *Судъ товарищей* способствовалъ къ развитію общественнаго мнѣнія между воспитанниками. Случалось нерѣдко, что ученики цѣлымъ классомъ выдавали виновнаго, сдѣлавшаго проступокъ, предосудительный для чести цѣлаго класса. Но судъ выборныхъ не всегда былъ удаченъ и безпристрастенъ. Было два случая: въ первомъ, ученики VII класса вытолкали изъ комнаты для занятій общей квартиры ученика V-го класса за то, что онъ не шелъ спать и сидѣлъ безъ позволенія инспектора до 10 часовъ, тогда какъ этимъ правомъ пользовались только семиклассники, при чемъ одинъ ученикъ VII класса ударилъ ученика V класса и назвалъ его товарищей дураками. Оскорбленный, на другой день далъ пощечину оскорбившему его. Судъ выборныхъ былъ помѣщенъ мною въ особой комнатѣ. Такъ какъ въ разбирательство дѣла инспекторъ вмѣшиваться не долженъ, то, заперши выборныхъ на ключъ, я ушелъ на квартиру. Черезъ два часа я

навѣстилъ ихъ, но дебаты судившихся не привели ни къ какому рѣшенію, и я опять ушелъ. Было уже 7½ часовъ, когда судьи, не видя конца спорамъ, томимые голодомъ, приступили ко мнѣ съ просьбой рѣшить дѣло по моему усмотрѣнію.

Во второмъ случаѣ, ученикъ VI класса побилъ ученика V класса еврея, за то, что тотъ обругалъ его. Выборные присудили побитому арестъ за то, что онъ обругалъ христіанина. И тутъ дѣло рѣшено неосновательно.

Въ Бѣлоцерковской гимназіи *самосудъ* окончился самоубійствомъ ученика VII класса, высѣченнаго товарищами за какой-то позорящій заведеніе проступокъ. Печальный этотъ случай послужилъ обвинительнымъ пунктомъ для сверженія Пирогова съ попечительства.

3) *Оскорбленіе прислуги дѣйствіемъ.* Это зло съ особеннымъ упорствомъ держалось въ закрытомъ заведеніи, куда поступали дѣти мелкопомѣстныхъ дворянъ, поссесоровъ и экономовъ большихъ имѣній, смотрѣвшихъ на крѣпостныхъ, какъ на рабочій скотъ. Воспитанные въ такой средѣ мальчики позволяли себѣ обращеніе съ прислугой крайне грубое и неуважительное, между тѣмъ какъ между лакействомъ находились отставные николаевскіе солдаты, прослужившіе 25 лѣтъ Богу-Государю. Правила за этотъ проступокъ гласили: „для возстановленія униженнаго человѣческаго достоинства обиженнаго ученикъ обязанъ просить у него прощенія публично, и кромѣ того за обиду—вознагражденія матеріальнаго въ видѣ штрафа, выдачей мѣсячнаго жалованья. Отучить воспитанниковъ отъ этого безобразія стоило мнѣ не мало хлопотъ и, кажется, я началъ достигать цѣли; но рукопашная расправа г. директора въ присутствіи учениковъ съ однимъ изъ служителей испортила все дѣло. Докладывать же попечителю о проступкѣ самого начальника заведенія инспектору не полагается.

4) Со времени введенія „Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ“ розга довольно продолжительное время существовала въ гимназіи только de jure; но, къ сожалѣнію, пришлось употребить ее въ дѣло de facto. Уже по увольненіи Гренкова, г. г°

преподаватели стали заявлять мнѣ, исполнявшему обязанности директора, объ упадкѣ классной дисциплины, а надзиратели о своевольствѣ мальчугановъ во время перемѣнъ, при чемъ надзиратель Садковскій доложилъ, что когда онъ пригрозилъ, по старой привычкѣ, ученику 2-го класса розгой, то шалунъ сказалъ ему, что „скорѣе васъ высѣкутъ, чѣмъ меня". Что дѣлать? Въ силу такого-то пункта „Правилъ" подобный проступокъ требовалъ быстраго, мгновеннаго наказанія, которое тогда только и достигнетъ своей цѣли, когда будетъ совершено немедленно за учиненнымъ проступкомъ, а между тѣмъ собрать совѣтъ въ полномъ составѣ можно было только на другой день; вслѣдствіе чего я порѣшилъ ограничиться наличными членами, и мы составили протоколъ и единогласно постановили наказать виновнаго пятью ударами розогъ, и вотъ, какъ только ученики, послѣ перемѣны, усѣлись на мѣста, Садковскій вызываетъ оскорбившаго его ученика, и я чрезъ весь корридоръ веду его чрезвычайно медленно до сторожки, а онъ все время слезно вопіетъ и просится; плачъ его навелъ паническій страхъ на всѣ низшіе классы. Я фактически доказалъ, что розги въ гимназіи существуютъ, что важные проступки не останутся безнаказанными. Классная дисциплина возстановлена, и преподаватели перестали жаловаться.

Это былъ единственный случай употребленія тѣлеснаго наказанія во все продолженіе моего исправленія директорской должности.

М. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

# Вторая кіевская гимназія [1])

## Попечительство Н. И. Пирогова.

Нѣкоторые изъ мѣстныхъ почвенниковъ укоряли Пирогова въ космополитизмѣ за поблажки полякамъ и покровительство, оказываемое евреямъ; но они правы только отчасти. Оставаясь въ душѣ русскимъ человѣкомъ, Н. И., какъ европейски образованный человѣкъ, смотрѣлъ на окружавшія его національности съ точки зрѣнія европейца. Допуская самостоятельное существованіе каждой народности и каждой отдавая полную справедливость, онъ безпристрастно относился и къ хорошему и дурному, принадлежало-ли это хорошее или дурное къ чуждой національности или къ родной русской. Въ одной изъ своихъ прощальныхъ рѣчей онъ сказалъ: „Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различными національностями, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія".

О полякахъ онъ выражался, какъ о народѣ легкомысленномъ, но достойномъ удивленія за его беззавѣтный патріотизмъ и энергію въ сохраненіи своей національности отъ поглощенія чуждыми націями. Въ евреяхъ онъ видѣлъ необыкновенно даро-

[1]) См. Кіев. Ст. № 5.

витое племя и учащуюся еврейскую молодежь онъ всегда покровительствовалъ за хорошіе успѣхи въ наукахъ. Что-же касается медицинской помощи, оказываемой Пироговымъ страждущему человѣчеству, то $^2/_3$ паціевтовъ его были евреи, страстные любители лѣченія. Два дня въ недѣлю, опредѣленные имъ для пріема больныхъ, отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, были посвящены безплатной практикѣ. Обширное entrée первой гимназіи съ его широкими лѣстницами, ведущими на второй этажъ, въ эти два дня было переполнено евреями всѣхъ возрастовъ и половъ. Слѣпые, хромые, изувѣченные и разслабленные—всѣ обращались къ знаменитому врачу, и всѣмъ имъ, безъ различія званія и состоянія, былъ оказываемъ, смотря по болѣзни, болѣе или менѣе продолжительный осмотръ. Намъ не разъ приходило въ голову, обѣдалъ-ли Н. И. въ эти дни, и мы дивились, какая необыкновенная сила воли и энергіи нужна была человѣку для такого самоотверженнаго подвига. Сколько христіанскаго милосердія и любви вмѣщала въ себѣ эта великая душа, заключенная въ такомъ невзрачномъ тѣлѣ!

Я лично обязанъ Пирогову за медицинскую помощь, оказанную имъ съ такою готовностію моей бѣдной страдалицѣ матери. Всю жизнь мучила ее болѣзнь, извѣстная въ Малороссіи подъ названіемъ „гостець“—костоѣда. Правая нога у нея отъ ступни до колѣна была сплошная язва. Привезши ее въ Кіевъ, я обратился къ Н. И. за помощью. Осмотрѣвъ больную, онъ собственноручно, стоя на колѣняхъ, обмылъ язву отъ примѣсей, оставшихся отъ разныхъ мазей, которыми лѣчили ее разные знахари и знахарки, наложилъ на рану пластырь и собственноручно забинтовалъ всю ногу. Отпуская больную, онъ велѣлъ привозить ее чрезъ каждые три дня, и каждый разъ, впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, онъ самъ, не поручая своему ординатору, склонялъ свои колѣни и дѣлалъ перевязку. Пользованіе геніальнаго хирурга, если не совершенно залѣчило язву (да едвали и излѣчимую въ преклонныхъ лѣтахъ), то значительно облегчило страданія больной въ послѣдніе годы ея жизни.

Наши антики-педагоги (Березницкій, Бѣлоусовъ, Ковалевскій и др.) должны были уступить мѣсто личностямъ болѣе современнаго направленія; а вслѣдъ за введеніемъ преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ Юго-Западнаго края число преподавателей поляковъ увеличилось. Пользуясь дѣлаемыми имъ поблажками свыше, они безпрепятственно стали подготовлять молодежь къ тому, что случилось въ 1863 году. Ясное дѣло, что начальникъ гимназіи съ такими консервативными убѣжденіями, какими заявилъ себя Гренковъ, былъ весьма нежелателенъ для нашихъ пропагандистовъ. Они повели противъ него подпольную интригу, перетянувъ на свою сторону ловкаго гешефтмахера Ѳедорова. Зная нерасположеніе къ директору попечителя за пристрастіе его къ березовой кашѣ, наши поляки, съ помощію учителя 1-й гимназіи Рупневскаго, бывшаго у Н. И. домашнимъ человѣкомъ, до того его настроили, что едва Гренкову истекло 30-лѣтіе его службы, онъ былъ немедленно уволенъ въ отставку.

Начальника, какъ водится, мы проводили обѣдомъ, за которымъ мнѣ, какъ ближайшему его помощнику, пришлось сказать прощальный спичъ. Подобные спичи имѣютъ нѣкоторое сходство съ надгробными рѣчами. Выйдя въ отставку, Н. М—чъ для 2-й гимназіи какъ-бы умеръ, a de mortuis aut bene, aut nihil—говоритъ пословица. Тѣ-же доносители не замедлили сообщить попечителю содержаніе моего спича въ прикрашенномъ видѣ, такъ что мое прощальное слово приняло значеніе демонстраціи, вслѣдствіе чего и я вмѣстѣ съ Н. М. попалъ въ ретрограды. Этимъ только я и объясняю нежеланіе Пирогова сдѣлать меня директоромъ 2-й гимназіи, послѣ того какъ я одиннадцать мѣсяцевъ исполнялъ директорскія обязанности и въ такое тревожное время.

Впродолженіе 10-лѣтней моей службы во 2-й кіевской гимназіи мнѣ не довелось дожить до памятнаго кіевлянамъ 1863 года, когда во градѣ Владиміра и Ярослава wybuchnęło powstanie, которое, по внушенію Варшавскаго жонда, долженствовало доказать Европѣ, что и „сей пращуръ русскихъ горо-

довъ", по несчастной случайности временно находившійся подъ властію Польши, также принадлежитъ къ ея составу. Въ мое время въ Кіевѣ происходили только манифестаціи, совпавшія съ междуцарстіемъ во 2-й гимназіи. На мое несчастье, въ числѣ поляковъ-учителей очутился и мой университетскій товарищъ, жившій со мной въ одной камерѣ, преподаватель польскаго языка Валерій Коперницкій, до мозга костей проникнутый польскими тенденціями. Образовалась цѣлая толпа патріотовъ, къ которой примкнули и нѣкоторые либералы изъ русскихъ; съ помощію послѣднихъ они начали проводить черезъ Педагогическій Совѣтъ предложенія, явно клонившіяся къ ущербу русскаго направленія въ заведеніи.

Пользуясь съѣздомъ значительнаго числа богатыхъ пановъ во время контрактовъ, эти господа устроили между ними подписку въ пользу польской ученической библіотеки и на собранныя деньги пріобрѣли массу книгъ большею частію историческаго содержанія, разумѣется, съ извѣстными тенденціями. Наполнивъ ими два огромные шкапа, они поручили завѣдываніе ими фанатику-студенту Шембелю, который сталъ выдавать ихъ ученикамъ обѣихъ Кіевскихъ гимназій. Когда мнѣ пришлось обнаружить организацію этого общества просвѣтителей юношества и конфисковать нѣсколько сочиненій въ закрытомъ заведеніи, поляки-учителя вошли къ попечителю съ прошеніемъ узаконить существованіе польской библіотеки, помѣстивъ ее въ гимназіи рядомъ съ мизерной только-что заведенной библіотекой русскихъ книгъ на весьма ограниченныя средства изъ добровольныхъ пожертвованій самихъ воспитанниковъ. Попечитель нашелъ такую просьбу подлежащею удовлетворенію, представивъ окончательное рѣшеніе вопроса о библіотекѣ польскихъ книгъ Педагогическому Совѣту. И что-же? Едва-ли не большинствомъ одного голоса вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно.

Въ попечительство Пирогова въ Кіевскомъ учебномъ округѣ славились преподаваніемъ географіи три учителя: въ 1-й гимназіи Рупневскій, во 2-й Шумовскій и въ Волынской—Коссовскій. Всѣ они излагали географію Россійской имперіи весьма

поверхностно, сравнительно съ географіей Польши, которую они излагали очень пространно въ границахъ 1772 года, по картѣ, полученной въ нѣсколькихъ экземплярахъ изъ Парижа. Благодаря предстательству Рупневскаго, при Пироговѣ они были неуязвимы.

Панихида по убитымъ въ Варшавѣ пяти мятежникамъ, разрѣшенная правительствомъ, впервые обнаружила всю закоренѣлую ненависть, весь фанатизмъ до того милыхъ и любезныхъ кіевскихъ поляковъ. Ограничусь только тѣмъ, какой вредъ для гимназій причинило привлеченіе дѣтей къ участію въ политическихъ безпорядкахъ. Когда въ городѣ стали носиться слухи о предстоящей панихидѣ, нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей поляковъ стали между собой совѣщаться, рѣзко отдѣлившись отъ своихъ русскихъ сослуживцевъ; въ подражаніе имъ и ученики католики сдѣлали то-же самое относительно своихъ товарищей. Въ предупрежденіе безпорядковъ, я отправился къ попечителю за инструкціей, какъ я долженъ поступить на случай, если ученики начнутъ проситься въ костелъ на панихиду? Н. И. сказалъ, что если найдутся желающіе, то доложить ему объ этомъ. Едва только я вернулся отъ попечителя, какъ неизвѣстно откуда уже знала вся гимназія, что̀ мнѣ сказалъ онъ на счетъ панихиды. Коперницкій первый, оставивъ урокъ, пришелъ въ инспекторскую съ рапортомъ, что ученики 2-го класса заявили о своемъ желаніи идти въ костелъ; за нимъ явились и другіе преподаватели; тогда я снова отправился къ попечителю.

— Желаютъ, говорю, всѣ католики быть на панихидѣ, что̀ дѣлать?

— Поѣзжайте къ генералъ-губернатору: это его дѣло.

Ѣду къ князю. Такъ и такъ, говорю: попечитель приказалъ спросить Васъ, какъ распорядиться съ воспитанниками, которыхъ трудно будетъ удержать въ гимназіи во время совершенія въ костелѣ панихиды: тамъ будутъ ихъ родители.

— У васъ во 2-й гимназіи есть костелъ? спрашиваетъ князь.

— Нѣтъ, не имѣется. Наши католики посѣщаютъ костелъ университетскій.

— Ну, стало, вашъ ксендзъ пусть имъ и отслужитъ панихиду въ университетскомъ костелѣ, тогда они и не пойдутъ въ городской костелъ.

— Но кто-же, в. с—во, поведетъ учениковъ на панихиду; у насъ нѣтъ ни одного надзирателя католика?

— У васъ есть учителя католики, они и поведутъ ихъ.

Отъ генералъ-губернатора заѣзжаю къ попечителю.

— Ну что? спрашиваетъ Н. И.

— Князь велѣлъ нашему законоучителю отслужить панихиду спеціально для нашихъ гимназистовъ въ университетскомъ костелѣ.

Объявивъ ученикамъ волю начальства, я распустилъ ихъ по домамъ и только-что сѣлъ обѣдать, въ мою квартиру является полиціймейстеръ Ивенсенъ и говоритъ:

— Князь приказалъ спросить васъ, объявлено-ли ученикамъ его распоряженіе о томъ, что завтра они пойдутъ въ университетскій костелъ слушать панихиду?

— Разумѣется объявлено: я долженъ былъ это сдѣлать сегодня-же до окончанія уроковъ, прежде чѣмъ они разойдутся по квартирамъ.

— Ну, коли объявили, то нечего дѣлать—пусть такъ и будетъ.

Объявляя ученикамъ распоряженіе генералъ-губернатора, я мотивировалъ такое распоряженіе заботливостью князя о сохраненіи здоровья дѣтей, такъ какъ въ то время было очень сыро, и о сбереженіи драгоцѣннаго времени для ученія.

На другой день еще до начала уроковъ ученикъ VII класса Р—ій, сынъ политическаго ссыльнаго, сталъ бѣгать по классамъ и подстрекать учениковъ не идти въ университетскій костелъ, гдѣ не будетъ никакой церемоніи, а въ городской, гдѣ для панихиды сдѣланы громадныя приготовленія. Послѣ второго урока, по звонку, отдѣлились козлища отъ овецъ, выстроились въ пары на корридорѣ и подъ предводительствомъ наставниковъ-поляковъ вышли на улицу; но дошедши до угла университет-

ской ограды, по данному Коперницкимъ сигналу, разсыпались и во всѣ лопатки побѣжали въ городской костелъ.

Опять иду къ Пирогову.

Разбѣжалось, говорю, мое стадо: всѣ отправились въ городской костелъ, а ксендзъ своимъ порядкомъ отслужитъ панихиду въ университетѣ въ одиночествѣ.

— Ну и пусть себѣ служатъ! на то воля начальства.

Слѣдовавшая за тѣмъ другая панихида, если не ошибаюсь, была въ память польскаго историка Лелевеля, а третья, и кажется послѣдняя, въ память соединенія Литвы съ Польшею, по иниціативѣ ученой молодежи университетской.

Облекшись въ чемерки и вооружившись толстыми палками, толпа человѣкъ въ 300 двинулась по два въ рядъ по Б. Владимірской улицѣ къ городскому костелу. Дойдя до пересѣченія Владимірской улицы съ Бибиковскимъ Бульваромъ, изъ отряда выдѣлились два студента и направились одинъ въ первую, а другой во вторую гимназію—приглашать на торжество гимназистовъ. Предвидя все это, я приказалъ запереть всѣ входы и выходы въ гимназію, а самъ, какъ часовой, сталъ ходить по троттуару.

Подходитъ къ парадным дверямъ юноша.

— Вы кто такой и что вамъ нужно? спрашиваю.

— Я студентъ университета св. Владиміра, мнѣ необходимо повидаться съ моимъ родственникомъ.

— Я вамъ этого не могу позволить въ настоящее время;— приходите послѣ. Идите своей дорогой и пойте свои гимны, сколько вашей душѣ угодно, а дѣтей не трогайте,—я за нихъ отвѣчаю и передъ родителями и передъ начальствомъ. Зачѣмъ вы, господа, путаете дѣтей въ свои манифестаціи?

— Объ этомъ скажетъ исторія—отвѣчалъ съ важностію студентъ, повернулся и ушелъ въ костелъ.

До этой послѣдней демонстраціи полиція, по распоряженію свыше, вовсе не мѣшала полякамъ безчинствовать среди стотысячнаго населенія богоспасаемаго града; наконецъ, мѣра долготерпѣнія истощилась. При выходѣ изъ костела, на цер-

ковной паперти былъ избитъ въ кровь квартальный надзиратель; затѣмъ, совершивъ этотъ подвигъ, студенты двинулись къ университету, какъ носился слухъ, съ цѣлію истребить центральный архивъ; но къ счастію, буйство ихъ на сей разъ ограничилось разбитіемъ нѣсколькихъ стеколъ въ помѣщеніи архива. До этой безобразной выходки полиція, повторяю, не дѣлала никакихъ распоряженій, но послѣ избіенія квартальнаго и тайная и явная полиція ополчилась противъ буяновъ съ великою стремительностію; начались аресты, обыски, штрафы.

Пока студенты поляки совершали свои оргіи въ костелѣ и на улицахъ, русскіе студенты не находили повода протестовать противъ безобразій, чинимыхъ товарищами, но лишь только они учинили дебошъ въ стѣнахъ университета, какъ въ тотъ-же самый день попечителю поданъ былъ протестъ съ 150 подписями. Въ немъ торжественно заявлялось, что русскіе студенты не солидарны съ поляками и порицаютъ ихъ безчинства.

Оставаясь временно самостоятельнымъ распорядителемъ въ самой многолюдной въ округѣ гимназіи, подъ дирекціей коей въ то время находились еще училища всей кіевской губерніи и таксаторское училище, я не зналъ покою ни днемъ, ни ночью. Пробовалъ возложить наблюденіе за порядкомъ хотя въ классные часы, поручивъ исполненіе обязанностей инспектора сперва Байеру, какъ старшему по службѣ учителю, а потомъ Тулубу, но эти помощники неумѣлыми дѣйствіями и безтактностію надѣлали мнѣ еще больше хлопотъ, такъ что я долженъ былъ отказаться отъ ихъ медвѣжьей услуги. Маврикій Байеръ, порицавшій постоянно дѣйствія инспектора, самъ при исполненіи инспекторскихъ обязанностей произвелъ большой скандалъ: онъ побилъ одного ученика, а прибѣжавшая въ гимназію мать этого юноши, женщина-гусаръ, накинулась на Маврикія и, если-бъ не защитилъ его надзиратель Садковскій, то его самого побили-бы. Что-же касается А. Д. Тулуба, то онъ въ одинъ день перессорилъ надзирателей съ учителями, а учениковъ и съ тѣми и съ другими; затѣмъ прибѣжалъ ко мнѣ на квартиру и отказался отъ исправленія должности инспектора.

Не мало также хлопотъ причинила мнѣ и общая ученическая квартира, по причинѣ негодности надзирателей и плутовства экономa. Пользуясь долгое время покровительствомъ Гренкова, онъ кормилъ воспитанниковъ отвратительно; справедливые ихъ протесты принимались Гренковымъ за бунтъ и строго наказывались. Воспитанники, проголодавшись, вопіютъ, что „клюски“ воняютъ, что сало и сыръ испорчены, а директоръ твердитъ, что они капризничаютъ, привередничаютъ. Дѣло въ томъ, что почтенный Николай Михайловичъ лишенъ былъ обонянія, и экономъ, пользуясь этимъ, продолжалъ кормить скверно. Но съ увольненіемъ Гренкова, экономy стало плохо. Какъ только какое-нибудь блюдо оказывалось невозможнымъ, я, въ силу контракта, штрафовалъ его приготовленіемъ къ ужину лишняго блюда, а, наконецъ, сталъ пріискивать другого.

Полицейскія мѣры, принимаемыя администраціей для уничтоженія безпорядковъ въ средѣ университетской молодежи, не согласовались съ мнѣніемъ Н. И—ча, что́ часто было причиной недовольства его дѣйствіями Генералъ-Губернатора.

Пироговъ не переставалъ дѣйствовать по своему убѣжденію:

„Для самого себя лично я не требую ничего лучшаго, какъ держаться вдали отъ всѣхъ этихъ запутанныхъ обстоятельствъ и предпочитаю уединеніе и деревенскую жизнь всякаго рода столкновеніямъ и непріятностямъ. Но я не дѣлаю и не сдѣлаю перваго шага къ тому, что́ я считаю такой образъ дѣйствія слабостью. Я потому буду спокойно ждать, пока со мною простятся, или меня заставятъ проститься. Хотя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ очень трудно на 50 г. жизни вступать на новое поприще, однако я покорюсь судьбѣ и тѣмъ утѣшенъ, что я имѣю между друзьями только очень мало глупцовъ, а между врагами много слабоумныхъ“ [1]).

Натянутыя отношенія, возникшія между Попечителемъ и Генералъ-Губернаторомъ, не предвѣщали ничего добраго.

---

[1]) Рус. Архивъ 1892 г. № 2, стр. 193.

Наконецъ, интриги обострили эти отношенія еще болѣе и по представленію Кн. Васильчикова онъ былъ уволенъ въ отставку.

Предусматривая такой исходъ своей педагогической дѣятельности, Пироговъ заблаговременно приготовилъ себѣ пріютъ, купивши имѣніе подлѣ Винницы, и какъ только получилъ отставку, въ ту-жъ минуту сдалъ должность своему помощнику Михневичу и засѣлъ въ лабораторіи заняться химическимъ разложеніемъ почвы своего села Вишня. Недѣли двѣ его положительно никто не могъ видѣть. Съ ранняго утра онъ отправлялся въ лабораторію и совершенно отрѣшался отъ окружающей его среды. Фактъ этотъ изъ жизни нашего знаменитаго ученаго напоминаетъ отчасти одинъ изъ фактовъ біографіи величайшаго современнаго намъ генія Пастера: въ самый день свадьбы его пошли искать въ лабораторію, чтобы напомнить ему, что онъ женится.

Явился Н. И. въ первый разъ по полученіи отставки на прощальный обѣдъ, устроенный ему сослуживцами въ университетскомъ парадномъ залѣ 4 апрѣля 1861 года. Масса рѣчей и теллеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи была прочитана, какъ на этомъ обѣдѣ, такъ и на другомъ—отъ города Кіева, 9 апрѣля: они могутъ служить краснорѣчивымъ протестомъ общества на увольненіе Пирогова отъ должности Попечителя—въ самый разгаръ его благотворной дѣятельности.

Начала, которыхъ держался Пироговъ, вводя реформы въ училищахъ, и противодѣйствія, встрѣченныя имъ со стороны охранителей и столбовъ, на которыхъ держались прежніе порядки, весьма обстоятельно указаны въ его педагогическихъ статьяхъ и рѣчахъ, произнесенныхъ на прощальныхъ обѣдахъ. Въ заключеніе не могу отказать себѣ въ удовольствіи помѣстить здѣсь одно замѣчательное мѣсто изъ его рѣчи, обращенной къ обществу города Кіева.

„Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчею. Я буду тру-

диться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю, постараюсь сдѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободными, буду обходиться и съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными. Но разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню. Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые разнесутъ мои сѣмена, саранча выведется тамъ, гдѣ она не была уничтожена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему. И можетъ быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ идти все хорошо.

Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло—не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обрабатывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ. Мудрено-ли, что и тутъ могли найтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву".

Николай Ивановичъ выѣхалъ изъ Кіева 15 апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (до 300 чел.) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ обывателей пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидали у зданія 1-й гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее прости искренно любимому и высоко цѣнимому человѣку. Еще большая толпа (до 1000 чел.) заранѣе отправилась

на дачу Санъ-суси, по шоссе, съ тою-же цѣлію. На пространствѣ четверти версты все было занято экипажами.

Въ 8 часовъ Пироговъ вышелъ съ семействомъ; онъ сѣлъ въ тарантасъ—и потянулся длинный рядъ экипажей.

Когда пріѣхали на дачу, глазамъ представилась въ сумерки весенняго дня громадная масса народа, растянувшаяся на полверсты. Тарантасъ остановился, и Пироговъ еще разъ заговорилъ въ толпѣ о непреходящемъ царствѣ идей, о вѣчныхъ цѣляхъ жизни, о служеніи добру и правдѣ.

Да, на долю немногихъ дѣятелей выпадаетъ у насъ рѣдкое счастіе расположить къ себѣ людей, среди которыхъ имъ доводится дѣйствовать.

---

По увольненіи Пирогова, до назначенія на его мѣсто барона А. П. Николаи, должность попечителя исправлялъ Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ. Уроженецъ Волынской губерніи, магистръ Кіевской духовной академіи 6-го выпуска (1829—1833), онъ избранъ былъ Пироговымъ въ помощники, по выходѣ въ отставку долго царившаго въ округѣ М. В. Юзефовича. Какъ при Пироговѣ, такъ по увольненіи его и еще при двухъ попечителяхъ, Іосифъ Григорьевичъ неуклонно слѣдовалъ принципамъ Н. И—ча, на сколько это отъ него зависѣло, и если что-нибудь держалось еще въ гимназіяхъ отъ реформъ пироговскихъ, то этимъ они обязаны Михневичу.

Помимо своей учебно-воспитательной дѣятельности, Михневичъ оставилъ по себѣ добрую память гуманнымъ обхожденіемъ съ подчиненными. Кто изъ служившихъ при немъ въ Кіевскомъ Округѣ не помнитъ его простого, человѣчнаго отношенія ко всякому, кто только обращался къ нему по служебнымъ или по частнымъ дѣламъ, всегда находя въ немъ защиту и покровительство отъ притѣснителей, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ на службѣ въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ.

Едва-ли не единственный человѣкъ изъ служащихъ въ Округѣ остался недоволенъ кроткимъ обхожденіемъ Михневича—

это экономъ общей ученической квартиры при 2-й кіевской гимназіи штабсъ-капитанъ Ильинъ. Былъ у него единственный одиннадцатилѣтній сынъ, который, насмотрѣвшись на часто повторявшіеся въ Кіевѣ пожары, захотѣлъ это зрѣлище видѣть вблизи. Залѣзъ онъ между сложенными на черномъ дворѣ дровами, построилъ изъ сухихъ щепокъ домикъ и поджогъ его, а самъ убѣжалъ на квартиру, сѣлъ на подоконникѣ и сталъ выжидать, пока разгорятся дрова, а ихъ было заготовлено болѣе ста саженъ. А жара въ іюлѣ мѣсяцѣ стояла страшная. Къ счастію, дворникъ, замѣтивъ дымъ, успѣлъ погасить начинавшія горѣть дрова.

Зоветъ отца Михневичъ и дѣлаетъ ему внушеніе.

— Ну что? спрашиваю Ильина: хорошо васъ пробралъ М.

— Помилуйте М. К—чъ, какой это начальникъ? Прихожу къ нему, сдѣлалъ, какъ слѣдуетъ, у порога фронтъ, а онъ: „Прошу садиться“! Фу, ты, Господи! Да на что это похоже! Не понимаю. Ужъ коли ты виноватъ, то съ тобой церемониться не слѣдуетъ, пробрать тебя нужно такъ, чтобъ въ потъ бросило. А то—прошу садиться! Ну что это за начальство? Извините, я этого не понимаю!

---

## Попечительство барона А. П. Николаи.

### 1861—1862.

Для уясненія моихъ личныхъ отношеній къ новому Попечителю, считаю необходимымъ коснуться нѣкоторыхъ подробностей, предшествовавшихъ его прибытію въ Кіевъ.

Со времени увольненія Гренкова, вплоть до пріѣзда барона, впродолженіе тяжелыхъ для меня одиннадцати мѣсяцевъ я исправлялъ двѣ должности—директора и инспектора.

Втеченіе этого времени поляки успѣли пропѣть всѣ свои гимны, кокетливыя польки износить свои траурныя платья, студенты свои чамарки. За польскими манифестаціями слѣдовали малорусскія: появились бараньи шапки, смазные сапоги, мере-

жаныя сорочки. Все это имѣло сильное вліяніе на возбужденіе умовъ учащейся молодежи и не могло не повліять на ослабленіе дисциплины въ Кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ. А тутъ, какъ на зло, на мѣсто либеральнаго попечителя назначенъ самый крайній консерваторъ николаевскихъ временъ. При самомъ вступленіи своемъ въ должность, баронъ А. П. Николаи задался мыслію похоронить и засыпать землею всѣ реформаторскія распоряженія по Округу своего геніальнаго предмѣстника и повернуть заведенія къ старымъ порядкамъ. Но это, за краткостію его Попечительства, удалось ему только отчасти.

Кіевская 2-я гимназія около года оставалась безъ директора. Продолжительное исправленіе мною директорской должности, конечно, давало мнѣ нѣкоторое право занять вакантное мѣсто; но прецедентъ въ видѣ надгробной рѣчи надъ Шевченкомъ, о чемъ не преминули сообщить барону въ разукрашенномъ видѣ кіевскіе охранители, не позволилъ мнѣ и заикнуться объ утвержденіи въ исправляемой мною должности, тѣмъ болѣе, что первое мое представленіе новому начальству не обошлось безъ должнаго внушенія.

Между тѣмъ правитель канцеляріи Губеръ съ К° не переставалъ работать у попечителя въ пользу закадычнаго своего пріятеля, большого любителя березовой каши, отставного директора Гренкова—и баронъ воскресилъ этого Лазаря и посадилъ его мнѣ на шею. Лучшая „интеллигентная половина Кіевскаго общества была возмущена подобнымъ назначеніемъ и громко высказала свое неудовольствіе, которое выразилось не однимъ ворчаніемъ и ропотомъ на дѣйствія новаго начальника: къ самому Гренкову, въ одно прекрасное утро, явилась депутація изъ трехъ лицъ, бывшихъ воспитанниковъ второй Кіевской гимназіи; отъ лица Кіевскаго общества они предложили Николаю Михайловичу, не дожидаясь скандала, убраться по добру по здорову изъ гимназіи и не тормозить образованія молодого поколѣнія отжившими свое время убѣжденіями. Но Гренковъ благого совѣта не послушалъ и остался въ казенной квартирѣ.

Но глубже и сознательнѣе всѣхъ восчувствовали всю несообразность воскресенія этого Лазаря воспитанники 2-й гимназіи, которые впродолженіе цѣлаго года, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній пироговскаго режима, успѣли уже отвыкнуть отъ ежовыхъ рукавицъ, отъ щипковъ и толчковъ, отъ начальничьяго крику съ пѣной у рта и другихъ проявленій безшабашнаго произвола и самодурства, на вѣки, казалось, похороненныхъ Пироговымъ и воспрянувшихъ въ лицѣ нелюбимаго ими директора. Протестъ со стороны учениковъ былъ неизбѣженъ, и онъ не замедлилъ выразиться въ рѣзкихъ и буйныхъ поступкахъ, вышедшихъ изъ ряду обыденныхъ мальчишескихъ шалостей.

Едва только появился на коридорѣ „старый вашъ знакомый", какъ съ обоихъ концовъ длиннаго коридора раздались оглушительные свистки. Мой Н. М—чъ поблѣднѣлъ, но потомъ скоро оправился и, овладѣвъ собой, вошелъ въ сборную учительскую комнату, поздоровался съ преподавателями и, когда усѣлись ученики, какъ ни въ чемъ не бывало, обошелъ всѣ классы. На другой день та же исторія: свищутъ да свищутъ. На третій день, не показываясь въ гимназію, онъ велѣлъ надзирателямъ собрать учениковъ вольныхъ квартиръ въ залу послѣ уроковъ, а воспитанниковъ закрытаго заведенія отправить въ столовую обѣдать, гдѣ мнѣ приказано было присутствовать во время обѣда.

Не успѣли прочитать передъ обѣдомъ молитву, какъ изъ залы ринулись ученики по лѣстницѣ въ большомъ безпорядкѣ. Что-же случилось?

Н. М., распорядившись собрать учениковъ въ залу, задумалъ подѣйствовать на нихъ силою своего краснорѣчія; но едва онъ вошелъ въ залу, какъ со всѣхъ сторонъ его окружила густая толпа мальчугановъ, какъ на военномъ смотру солдаты окружаютъ генерала. Ему и рта не дали разинуть: загалдѣли, заревѣли, засвистали. Протиснувшись сквозь сплошную массу учениковъ, директоръ ушелъ изъ залы задними дверями. Хорошо, что хоть такое случилось, но могло случиться гораздо худшее.

Черезъ нѣсколько дней Н. М. испробовалъ еще одно средство укротить разъяреннаго звѣря—буйную 700-головую толпу, склонивъ на свою сторону учениковъ VII класса, чтобы черезъ ихъ вліяніе подѣйствовать въ его пользу на другіе классы. Пригласивъ въ свою квартиру весь классъ, онъ говорилъ долго, убѣждалъ, грозилъ, и въ концѣ концовъ пообѣщалъ всѣмъ безъ исключенія выдать аттестаты, если ученики перестанутъ ему свистать. Этимъ обѣщаніемъ „опытный и умный администраторъ какимъ рекомендовали его барону его пріятели, окончательно уронилъ себя въ глазахъ воспитанниковъ.

На слѣдующій день, понадѣявшись на то, что предложенною сдѣлкой семиклассники привлечены на его сторону, Н. М. самоувѣренно вошелъ въ VII классъ передъ приходомъ учителя, но ученики подняли такой содомъ, что директоръ едва унесъ ноги.

Авторитетъ начальника заведенія былъ въ концѣ подорванъ.

Я съ своей стороны употреблялъ всевозможныя мѣры, чтобы возстановить пошатнувшуюся дисциплину въ гимназіи, но всѣ мои усилія остались тщетными. Въ моемъ присутствіи, правда, они удерживались отъ оскорбительныхъ для начальства выходокъ, но вѣдь не могъ-же я постоянно сопровождать директора, принявъ на себя унизительную для него роль дядьки, да онъ и самъ избѣгалъ этого; кромѣ того, у меня были и свои спеціальныя обязанности.

Выбившись наконецъ изъ силъ, еще до того надорванныхъ продолжительнымъ исполненіемъ двухъ должностей въ такое тревожное время, я въ началѣ ноября попросилъ у попечителя отпуска на 28 дней и уѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ на родину. Но отдохнуть мнѣ послѣ трудовъ не удалось.

Не прошло недѣли со времени моего пріѣзда въ родимъ, какъ я получилъ письмо отъ своего сослуживца и земляка, учителя М. О. Самчевскаго, который поторопилъ меня возвращеніемъ въ Кіевъ, гдѣ въ мое отсутствіе случился наконецъ тотъ рѣзкій проступокъ, о коемъ предсказывали Гренкову явившіеся

къ нему „уполномоченные“ отъ Кіевскаго общества. Помѣщаю здѣсь выдержки изъ этого письма:

. . . „Послѣ вашего выѣзда, и та небольшая доля порядка и дисциплины, которая успѣла удержаться въ нашей несчастной гимназіи, благодаря вашему вліянію на воспитанниковъ, вслѣдствіе самодурства и совершенной растерянности Гренкова рушилась въ конецъ. Испробовавъ всѣ способы увѣщаній и безтактнаго подлаживанія къ ученикамъ и видя недѣйствительность кроткихъ мѣръ (такъ несвойственныхъ ндраву самодура), сей господинъ рѣшился идти на проломъ и силою укротить разнузданную толпу. Неистовые крики, топанье ногами, толчки и щипки воскресили допироговскія времена во всемъ ихъ безобразіи. Случилась, напр., такая возмутительная исторія: на улицѣ, противъ гимназіи, на виду у всѣхъ проходящихъ директоръ встрѣчаетъ ученика VI класса и дѣлаетъ ему выговоръ за разстегнутый сюртукъ; тотъ, поднявъ фуражку, опять употребилъ ее по назначенію, т. е. надѣлъ на голову. Директоръ взбѣсился и палкою сбилъ съ головы фуражку, крича во весь народъ: „я васъ отучу отъ Чаловскихъ порядковъ! (и эту фразу онъ повторялъ уже не разъ). Дальше идти было некуда. У дѣтей не хватило больше терпѣнія переносить такое обращеніе; накипѣвшая злоба проявилась наконецъ стихійной бурей“...

„Во время большой перемѣны ученики всѣхъ 12 классовъ (пять классовъ было съ параллельными отдѣленіями) безпорядочной толпой стали тѣсниться по коридору, и лишь только показался директоръ, подняли такой содомъ, что онъ едва успѣлъ вскочить въ сборную учительскую комнату; но толпа не переставала ревѣть; въ дверяхъ зазвенѣли разбитыя стекла; въ сборную полетѣли куски мѣлу, чернильницы, линейки... Вотъ до чего довели нашу благоустроенную гимназію безтолковыя распоряженія начальства“.

„Но все сообщенное мною до сихъ поръ не главная цѣль моего письма. Дѣло вотъ въ чемъ:

Гренковъ, купно съ Губеромъ и К°, всю вину случившагося въ гимназіи безпорядка взвалилъ на васъ: что вы де, под-

строивши учениковъ, сами уѣхали. Это сообщилъ мнѣ М. А. Туловъ, который теперь, по случаю безначалія, безвыходно сидитъ въ гимназіи и ждетъ не дождется вашего возвращенія, чтобы передать вамъ бразды закусившаго удила коня. Поспѣшите-же пріѣздомъ; мы всѣ готовы помочь вамъ разоблачить эту гнусную клевету, взведенную на васъ сторонниками Гренкова, который, потерпѣвъ пораженіе, заперся въ своей квартирѣ и даже у входа поставилъ стражу".

Получивъ письмо, я въ тотъ-же день, по страшной колоти поспѣшилъ въ Кіевъ. Не заходя въ квартиру, я прямо отправился въ гимназію. Встрѣтивши меня, Туловъ перекрестился:

— Ну, слава Богу, что вы пріѣхали!—сказалъ онъ.

— Но что-же мнѣ, Михаилъ Андреевичъ, дѣлать? Посовѣтуйте, ради Бога; вѣдь дѣло весьма серьезное.

— Надѣвайте мундиръ и отправляйтесь къ попечителю.

Баронъ принялъ меня съ обычной своей аристократической важностію, но вѣжливо, пригласилъ въ кабинетъ и просилъ садиться. Взволнованный до глубины души, я началъ было свою оправдательную рѣчь, но онъ остановилъ меня на первыхъ-же словахъ.

— Выслушайте сперва меня, а потомъ я буду васъ слушать.

Съ великимъ нетерпѣніемъ дожидался я конца безконечно долго тянувшейся для меня обвинительной рѣчи баронской, въ которой очень ловко были подтасованы факты, вовсе несогласовавшіеся съ дѣйствительностію, но на столько важные, что если-бы въ нихъ была хоть малая доля правды, то меня слѣдовало предать суду.

Защиту свою я началъ издалека, именно со времени увольненія Гренкова; указалъ причину его отставки, коснувшись его служебной дѣятельности до Пирогова. Со времени его отставки прошелъ годъ; впродолженіе этого года многое измѣнилось: директоры, подобные Гренкову, стали анахронизмомъ, и такого человѣка вы, в. П—во, назначили въ ту гимназію, гдѣ никто не можетъ помянуть его добрымъ словомъ. Противъ такого назна-

ченія былъ весь городъ; къ нему являлась отъ общества депутація съ предложеніемъ оставить гимназію, но онъ пренебрегъ благими совѣтами; извѣстенъ-ли В. П—ву этотъ фактъ?

— Въ первый разъ слышу.

— Прошу-же васъ выслушать меня дальше. Вступленіе Гренкова въ должность встрѣчено свистками и шиканьемъ, что повторялось почти ежедневно втеченіе цѣлаго мѣсяца. Желая прекратить безпорядокъ, Гренковъ пригласилъ въ свою квартиру учениковъ VII класса и вошелъ съ ними въ такую недостойную сдѣлку: если вы, господа, подѣйствуете на своихъ товарищей и они перестанутъ свистать, то я вамъ всѣмъ выдамъ аттестаты. Извѣстенъ-ли былъ этотъ фактъ в. П—ву?

— Въ первый разъ слышу—продолжайте!

— Заручившись такимъ компромиссомъ, Гренковъ на другой день вошелъ въ VII классъ, но его прогнали оттуда свистками и криками.

— Но отчего-же вы молчали? Отчего не донесли мнѣ?

— Гренковъ—мой начальникъ, я не имѣлъ права доносить помимо его вѣдома.

— И все это происходило въ гимназіи до вашего выѣзда?

— Да, это было при мнѣ. А что произошло въ мое отсутствіе, это вамъ, конечно, извѣстно изъ другихъ источниковъ, хотя и не все, напр. такія дѣйствія Гренкова: встрѣтивъ на улицѣ ученика, онъ сбилъ съ его головы палкой фуражку, когда тотъ, отдавши ему честь, надѣлъ ее; не разъ собственноручно расправлялся съ учениками въ общей квартирѣ—все это довело до катострофы... Я знаю, кто оклеветалъ меня передъ Вами—это пріятель его Губеръ и К°. Если в. п. больше вѣрите имъ, чѣмъ мнѣ, то прошу васъ разслѣдовать мои дѣйствія, нарядивъ формальное слѣдствіе, я этого въ правѣ даже требовать для своего оправданія.

Въ тотъ-же самый день Н. М. получилъ собственноручное письмо барона съ предложеніемъ подать въ отставку; затѣмъ чрезъ нѣсколько дней предложилъ мнѣ директорство въ бѣлоцерковской гимназіи.

— Вы, безъ сомнѣнія, поймете, отчего нельзя васъ оставить директоромъ 2-ой кіевской гимназіи—прибавилъ онъ на прощанье со мной въ концѣ января 1862 года.

Я безпрекословно, скрѣпя сердце, отправился въ ссылку, въ жидовское мѣстечко. Потерявъ вскорѣ послѣ этого страстно любимую жену, баронъ просилъ перевода на Кавказъ, гдѣ онъ служилъ прежде и гдѣ женился на княгинѣ Чавчавадзе, сестрѣ жены покойнаго Грибоѣдова.

Отправляя тѣло покойницы въ фамильный склепъ въ Финляндію, баронъ прислалъ ко мнѣ надзирателя съ просьбой уступить ему хранившіяся въ сараѣ 2-й гимназіи дроги, на которыхъ былъ привезенъ изъ Петербурга гробъ Т. Г. Шевченка; но я, безъ вѣдома душеприкащика покойнаго поэта, не имѣлъ права распорядиться оставшимся послѣ него имуществомъ и къ великому огорченію барона отказалъ ему.

Дроги эти взяты у меня В. Г. Шевченкомъ и сгорѣли въ Корсунѣ во время пожара.

Въ короткое время своего попечительства (говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Богатиновъ (Рус. Архивъ, 1899 г. № 2) баронъ Николаи ничего особеннаго не сдѣлалъ, помимо развѣ того, что не былъ равнодушенъ къ несоблюденію служащими условій служебнаго труда, да развѣ приказаніе воротившемуся изъ заграницы Ростовцеву снять бороду, которой онъ украсилъ себя заграницей.

Моя служебная дѣятельность, посвященная 2-й кіевской гимназіи, продолжавшаяся десять лѣтъ, отчасти оцѣнена на прощальномъ обѣдѣ, устроенномъ моими сослуживцами, учителемъ Михаиломъ Осиповичемъ Самчевскимъ.

„Если-бы я, сказалъ онъ, и былъ одаренъ способностію льстить, то я настолько уважаю М. К—ча, что никогда не осмѣлился-бы отравить послѣдній вечеръ, который онъ проводитъ съ нами, воскуривъ ему фиміамъ лести. И если рѣшаюсь говорить теперь, то вовсе не для того, чтобы выразить удивленіе талантамъ и нравственнымъ достоинствамъ М. К—ча, но потому, что считаю неблагодарнымъ не выразить ему искренней

признательности за все время управленія имъ гимназіей. Но что значитъ личная благодарность вообще и моя въ особенности? Она такъ ничтожна, что я никогда не осмѣлился-бы заявить ее гласно, если-бы не былъ увѣренъ, что мои товарищи раздѣляютъ и мое сочувствіе, и мою благодарность. Увѣренность свою я основываю на тѣхъ фактахъ, которыми опредѣлилась дѣятельность М. К. во время управленія его гимназіей. Я надѣюсь, господа, вы позволите мнѣ прервать на нѣсколько минутъ нашу одушевленную бесѣду для того, чтобы изложеніемъ этихъ фактовъ показать, что благодарность наша М. К—чу имѣетъ самыя прочныя основанія.

*Первый фактъ*—это истинно-гуманное обращеніе М. К—ча со своими сослуживцами въ то время, когда онъ облеченъ былъ властью начальника. Конечно, въ настоящее время вѣжливое обращеніе начальника съ подчиненными уже не считается заслугой. Теперь даже люди съ деспотическими замашками не позволятъ себѣ кричать, топать ногами и бросать олимпійскіе взгляды, которые приводили когда-то въ отчаяніе бѣднаго подчиненнаго; не осмѣлятся они на это уже изъ чувства самосохраненія, потому что боятся общественнаго суда, потому что боятся встрѣтить сильный отпоръ со стороны подчиненнаго. Но сколько еще осталось различныхъ уловокъ взглядами, движеніями, тонкими замѣчаніями показать подчиненному свое начальничье значеніе... Смѣло могу сказать, М. К. не прибѣгалъ никогда къ подобнымъ уловкамъ: онъ казался всегда нашимъ товарищемъ, а не начальникомъ.

*Второй фактъ*—это уваженіе, которымъ пользовался М. К. у воспитанниковъ. Если-бы М. К. пріобрѣлъ расположеніе учениковъ гоньбой за популярностью, я никогда-бы не поставилъ ему этого въ заслугу. Я думаю, всякій согласится со мной, что такіе господа, которые изъ желанія пріобрѣсть популярность между учениками, потакаютъ ихъ шалостямъ, удивляются ихъ талантамъ, часто очень сомнительнымъ, восхищаются ихъ поступками, вовсе того не заслуживающими, то такіе господа приносятъ двойной вредъ: они уничтожаютъ, во первыхъ,

званіе наставника, а во вторыхъ, губятъ молодыхъ людей, дѣлая изъ нихъ заранѣе свистуновъ, пустозвоновъ, которые ненавистны въ жизни и еще ненавистнѣе въ школѣ. Въ такой жалкой гонькѣ за популярностью никто не упрекнетъ М. К.; онъ смотрѣлъ на воспитаніе, какъ на дѣло серьезное, а не какъ на игру въ куклы. Я самъ было часто свидѣтелемъ, какъ М. К. останавливалъ проявленія пустозвонства въ ученикахъ и путемъ убѣжденія доводилъ ихъ до раскаянія. Не заискиваніемъ расположенія у учениковъ, но личными своими достоинствами, М. К. пріобрѣлъ популярность между учениками, а такая популярность достойна полной похвалы и подражанія.

*Третій фактъ*—это всегдашняя готовность М. К. помогать бѣднымъ ученикамъ и студентамъ доставленіемъ имъ репетиторствъ, при чемъ М. К. имѣлъ въ виду не одну бѣдность, а также знаніе и способности. Я знакомъ съ нѣсколькими бѣдными и очень дѣльными студентами, которымъ М. К. доставлялъ средства къ существованію въ Кіевѣ; они всегда съ благодарностію произносятъ его имя и пожалѣютъ объ немъ такъже, какъ и мы теперь жалѣемъ.

Мнѣ кажется, господа, что во всемъ сказанномъ мною нѣтъ ни капли лести; мнѣ кажется, мои товарищи согласятся, что факты, только-что изложенные мною, существовали дѣйствительно, а если они существовали, то М. К. несомнѣнно заслуживаетъ наше общее уваженіе и сочувствіе. Пожелаемъ-же ему, господа, чтобы онъ такое-же уваженіе и сочувствіе встрѣтилъ и между своими новыми сослуживцами и выпьемъ за его здоровье"!

Въ числѣ многихъ сослуживцевъ во второй Кіевской гимназіи находились два брата, Иванъ и Михаилъ Самчевскіе, ближайшіе земляки мои, дѣти уважаемаго мною учителя моего Іосифа Акимовича Самчевскаго. Это тѣ самые малыши Ваня и Миша, которыхъ я, будучи гимназистомъ, видѣлъ ползающими по массивному тѣлу своего дѣдушки, соборнаго протоіерея о. Стефана Ленковскаго, въ жаркій іюльскій день лежавшаго на

ковръ въ передней комнатѣ своего ярко-желтаго дома. Старшій изъ нихъ, Иванъ Осиповичъ, преподавалъ исторію и впослѣдствіи, послѣ Слѣпушкина, моего преемника по инспекторству, былъ инспекторомъ 2-й Кіевской гимназіи. По характеру и по своей высокой честности и правдивости Михаилъ Осиповичъ былъ неизмѣримо выше своего брата, но онъ все время вращался въ низшей сферѣ учительскаго персонала, преподавая то русскій языкъ, то географію въ младшихъ классахъ, частію въ Кіевской 2-й гимназіи, частію въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, куда онъ, послѣ моего назначенія въ Бѣлую Церковь, временно переселился, по случаю смерти своей матери. Отъ нея по наслѣдству чахотка перешла на сына-любимца покойной Варвары Степановны—Мишу, и онъ, очень скоро послѣ ея смерти, умеръ въ Кіевѣ. Высокія нравственныя качества этого даровитаго юноши весьма вѣрно оцѣнены въ надгробной рѣчи бывшаго тогда инспектора 1-й Кіевской гимназіи, нынѣ Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, И. Я. Ростовцева.

И. О. Самчевскій умеръ въ 1871 году отъ холеры на рукахъ у своего отца, который вскорѣ послѣ того ослѣпъ и въ этомъ жалкомъ состояніи дожилъ до 86 лѣтъ, пріютившись въ чужой семьѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

М. Чалый.